СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Алексей БОРИСОВ

СРЕЗАЮЩИЙ ВРЕМЯ

Современный фантастический боевик (АСТ)

Алексей Борисов

Срезающий время

«Издательство АСТ»
2017

Борисов А. Н.

Срезающий время / А. Н. Борисов — «Издательство АСТ», 2017 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

Сколько раз мы замечали среди людей странную привычку сваливать свою вину на кого-то и даже на что-то. Сколько раз мы говорили сами себе, что справедливости не существует, это выдуманное людьми понятие, применимое к их же укладу жизни и себе подобных. И всегда находится оправдание: «А что я мог сделать?» Удобно, не правда ли? Но только не в этот раз. Дело в том, что в прошлом году я нашел некий артефакт. К какой внеземной или, наоборот, очень земной цивилизации он имеет отношение, я еще не выяснил. Общаемся мы с ним только во сне, называет он себя «Срез времени» или «Срезающий время», и я твердо намерен изменить одну несправедливость, случившуюся несколько веков назад. Я отправляюсь в 1810 год.

© Борисов А. Н., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

1. В начале пути 8
2. Порох и пули 25
3. Дорога в Тулу 39
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Алексей Борисов
Срезающий время

* * *

Осень этого года выдалась в Крыму короткой – считай, и не было ее вовсе. А все благодаря затянувшемуся лету, нивелирующему все известные природой пределы, и вместе с тем как-то незаметно пролетело полюбившееся женщинам бархатное межсезонье; оно, которое, как всякий год, так и нынешний, хвалилось солнцем и сочным, выстраданным в зной виноградом. Вокруг явственно обозначались приметы близкой смены времени года: все чаще, даром что вроде неожиданно, твердела намокшая и вязкая земля в горах, желтели листья, покрываясь по ночам каплями росы; в воздухе же, прогретом в полуденную пору, пока царило светило, пахло прелой травой, реликтовой хвоей и палым листом. А рядом с этой божественной красотой – не продохнуть. Извилистая лента свежеуложенного, цвета рубленого антрацита асфальта, и ползущие по ней, словно сонные мухи, автомобили. Узка дорога, как, впрочем, любая трасса в горах, и на обочину не съехать – выждать время (пока где-то впереди тарахтящий трактор доковыляет до очередной стройки), так как нет ее ни здесь, ни на много километров вперед. Вот и приходится в тесном общем потоке, гуськом, друг за дружкой, держа ногу на педали тормоза, завидуя проносящимся велосипедистам, двигаться в сторону Ялты. Иногда появляется просвет в виде поворота к побережью, и всякий раз так и хочется крутануть руль в сторону, избавляясь от скучной монотонности хоть и размеренной, но чересчур медлительной жизни этого участка пути. Хочется… Сейчас это слово можно забыть, избавиться, как от ненавистного паразита, и не отвлекаться на всякие мелочи. Мне кровь из носу нужно успеть перехватить уезжающие в музей Пушкина экспонаты, иначе целые полгода драгоценного времени, потраченного на бесчисленные объявления и поиски по архивам, окажутся потеряны. А ведь как все удачно сложилось, последнее из необходимого минимума практически под самым носом. Жаль только, времени в обрез.

Выставку старинного платья киностудии имени Горького закрыли еще вчера. С утра все предметы созерцания были почищены, обработаны, проверены и упакованы, за исключением единственной пары сапог, оставшейся дожидаться реставратора из-за халатности сотрудника. И бог бы с ним, если бы навлекший беду оказался Мелом Фишером[1], с его удачей и не такое бы позволили. Увы, вместо легендарного ныряльщика оказался ничем не примечательный, приехавший на подработку из Мариуполя электрик и по совместительству подсобный рабочий Витя. Кто-то из его товарищей, при свете настольной лампы и почесывая кота, наверно, в шутку рассказал случай, как бежавшие после революции от народной власти буржуи прятали драгоценности в обуви, а его пращур, как минимум «заслуженный работник таможни», щелкал подметки и каблуки, изымая брильянты и прочие нужные предметы в пользу победившего пролетариата. История не просто с бородой, а еще и с бакенбардами. Взять, к примеру, известный роман Ильфа и Петрова. Принцип один и тот же. Только Витя отнесся к рассказу серьезно и однажды, помогая убирать предметы выставки, не удержался, стянул сапоги какого-то гусара. Спрятавшись от снующих работников за пышными дамскими платьями, вынул складной нож да распорол подкладку. Драгоценности не посыпались, хоть и начало вышло успешным. Под тонкой кожей голенища прятался старинный документ. Едва многократно сложенный листок пожелтевшей бумаги, написанный еще с ятями, был снят на телефон, и произнесена сакральная фраза: «Дельце обещает быть чертовски выгодным», как воришку обнаружил дежуривший

[1] Известный искатель сокровищ.

в помещении охранник. Отчаявшись, электрик засунул находку поглубже в сапог, вместе со старыми газетами, закрыл коробку с обувью и, пробормотав что-то про «пузо прихватило», уже чуть ли не под конвоем сдал предмет в хранилище. А уже ночью, листая страницы форумов и разнообразных сайтов, выяснив приблизительную стоимость и сокрушаясь о потерянных двух сотнях заокеанских банкнот, он наткнулся на мое объявление. В голове Виктора заколотились друг об дружку сложные математические действия, где присутствовали числа, возведенные в степень, квадратный корень и, возможно, что-то напоминающее линейные уравнения, известные человечеству как метод Гаусса. В институте Витя учился спустя рукава, отчего в итоге получалась полная ерунда, но это его уже не беспокоило.

Говорить, что дальнейшая история не имела полукриминальный оттенок, я не стану. Могу только догадаться, что утром авантюрист из Мариуполя подрядился грузить фуру, втихаря вынул листок из неопломбированной коробки и на перекуре в беседочке у музея передал его мне под прикрытием моего же портсигара у всех на глазах. Но оставим эти рассуждения в покое, есть более важные вещи, которым стоит уделить внимание.

На плотной бумаге черными чернилами с характерной филигранью был составлен договор. Купчая крепость на землю. Плохо сохранившийся оригинал, согласно которому отставной поручик приобретал в лето тысяча восемьсот девятого года апреля в тридцатый день родовое недвижимое имение. Где пашенной земли сто двадцать четвертей с осьминою, с прилегающими лесами, с сенными покосами, с усадебною землею, с рыбными ловлями и со всеми принадлежащими к той земле угодьями. В общем, чересполосное владение от речки до речки с десятью дворами крестьянскими и бобыльскими, за что было уплачено четыреста семьдесят два рубля. Чуть ниже основного текста шли подписи сторон. В правом нижнем углу, где было выделено место для регистрации в Вотчинной Коллегии, присутствовали небрежно написанные цифры. Свинцовым карандашом было перечеркнуто число четыреста семьдесят два и дописано еще несколько. Замыкало столбик каракулей освобожденное от помарок двести пятьдесят. Видимо, в процессе какой-то игры документ выступал в роли обеспечения ставок. Причем не один раз. Так как, потеряв в итоге почти половину стоимости, был нещадно смят, и уже после игравшие для упрощения счета писали прямо на обратной стороне купчей. Конечно, документ представляет собой историческую ценность. Как-никак принято считать, что уже в самом конце восемнадцатого века площади не выделяли четями, а тут черным по белому: сто двадцать с осьминой; и плевать на Википедию. Явно нотариус был не в курсе запрета. Но это все лирика. Думаю, теперь стоит рассказать, для чего мне потребовался именно этот документ, невероятным образом оказавшийся в реквизите киностудии.

Дело в том, что в прошлом году я нашел некий артефакт. К какой внеземной или, наоборот, очень земной цивилизации он имеет отношение, я еще не выяснил. Общаемся мы с ним только во сне, и называет он себя «Срез времени» или «Срезающий время». Особенность его в том, что имея размер с шестифунтовое ядро и вес около пяти килограмм, шар считывает в выбранном направлении пространство в двенадцать кубометров и проецирует считанное в любом заданном промежутке времени, не изменяя земных координат. То есть, если я захочу имеющееся в моем распоряжении кресло в Севастополе получить в пятом веке, то я получу его точную копию в том самом месте, где стоит оригинал, на высоте десятого этажа. Причем мое кресло останется со мной, а дубликат, подвергшись действию силы притяжения, станет пылиться в далеком прошлом. Правда, не очень долго. Для разных материалов разный срок. Все имеет свойство разрушаться, и целостность скопированной материи сильно зависит от разницы во времени. В том же пятом веке стальная пружина превратится в ржавую труху лет через двенадцать, флок протянет десятку, дерево не переживет трех, а поролон испарится за два. Зато кусок меди не потеряет своих свойств и за четверть века, окажись он во временах Крестовых походов. Другая его особенность состоит в том, что выбранное время, отличное от стартовой площадки, ведет в параллельное измерение. Это и есть тот срез многомиллиард-

ной доли секунды. То есть загляни я на пять минут назад, и история в том месте пошла уже своим путем. И пока я не закрою вновь образовавшуюся петлю времени, переместиться в тот же пятый век у меня не получится. Это об особенностях. А теперь о предназначении.

Попался в мои лапы артефакт туриста. Невероятно технологичная для нас штука, предназначенная для приятного времяпровождения с возможностью почувствовать смертельную опасность с вероятностью почти в сто процентов. И насколько я понял, последний пользователь или группа в количестве семи наделенных разумом особей (максимальное количество) насладились своим путешествием в полной мере. А чему удивляться? Взять тех же любителей рафтинга. Сколько спортсменов попадает на госпитальную койку или гибнет на горных речках? А планеристы, чье занятие считается более безопасным, – дюжина в год. Так что итог у любителей пощекотать нервы всегда один – или пан или пропал, вот только повторять подвиги неведомого мне героя я не намерен, так как существует возможность понизить эту смертельную опасность. Начиная от обволакивающего наподобие мыльного пузыря поля, дающего какую-то немыслимую защиту биологическому объекту, до элементарного синтеза этому объекту комплекса веществ, препятствующих заражению, как себя, так и окружающей среды. Естественно, бесплатного сыра не бывает. В зависимости от увеличения степени риска растет перемещенный с помощью дублирования объем. То есть хочешь почувствовать себя неуязвимым – нет проблем, правда кроме рюкзачка и тросточки взять с собой ничего не получится. Да и они не пригодятся, так как «мыльный пузырь», как та скорлупа: ни туда, ни сюда, только смотри. И наоборот. Конечно, тому, кто собирается посетить жерло вулкана, с выбором режима опасности все предельно ясно, а вот желающим исследовать образец лавы уже придется чем-то пожертвовать. К слову, зрелище незабываемое, хоть мне и не удалось побывать при извержении раскрученного в СМИ Эйяфьятлайокудль, зато посмотрел на вулкан Сарычева в две тысячи девятом году. И вот сейчас, когда последний нужный мне предмет оказался в моих руках, я готов совершить давно запланированное путешествие.

Итак, Российская империя, Смоленская губерния, Поречский уезд, деревня Борисовка, родовое именье, местность между рекой Жереспея и Лущенка, год тысяча восемьсот десятый, май тридцатого числа.

1. В начале пути

Настройка артефакта на перенос прошла по штатному расписанию. Для меня это уже сто восьмое перемещение, и ничего необычного в этот раз не произошло. Тестирующий режим выдал прямо перед моими глазами тысячи точек различного диаметра и цветов. Странная письменность, и как когда-то объясняло мне это чудо-ядро, треть из этих знаков, чисел и букв я даже не воспринимаю, так как нейроциты еще недостаточно развиты. Затем точки выстроились в двенадцать колонок, где в первой отчетливо выделялись семь наиболее жирных, по количеству биологических разумных. Зачем мне попутчики, так это легко пояснить. С каждым разумным (причем артефакт считает таковыми и лошадь, и пса, и кота, и даже кроликов) можно перенести двенадцать кубометров полезного груза. А это уже кое-что, как минимум сорокафутовый морской контейнер[2] с мелочью.

Наконец, колонки задрожали и пропали кроме семи точек. Спустя мгновенье исчезли и они, после чего я понял, что стою посреди березовой рощи, за мной две лошади, а прикрепленные к седлам корзины со зверьем стали подавать признаки беспокойства. Контейнер расположился поблизости, подмяв под себя несколько деревьев, утонув в мягкой почве где-то на ладонь. Что ж, деревцам, конечно, не повезло, но я обязуюсь, как только выдастся свободное время, посадить пару саженцев, а пока стоит привязать лошадей и разведать местность. В моем времени, если все закончится плохо, примерно через час должен подъехать кран с МАЗом, свернуть с трассы возле деревни Абраменки и, проехав пятьдесят метров по грунтовой дороге, подобрать стальной ящик с тюками на крыше. В Нижней Дубровке этот груз встретят и оформят. Взятое в аренду вернут хозяевам, а остальное оставят в отстойнике. Здесь же подобного сервиса ожидать не приходится. Хуже того, единственная дорога, по которой можно перемещаться, находится в двадцати верстах на юг, и если мне удастся обнаружить хоть какую-либо колею от телеги, то радости моей не будет предела. Впрочем, спустя четверть часа, когда коптер благополучно осуществил взлет-посадку, я уже мог выражать благодарность. Старые карты не подвели, и если мне и дальше будет сопутствовать удача, то к вечеру я смогу расчистить от березняка просеку, подсыпать овражек и вытащить на божий свет тарантас, а там и полосы из перфорированного алюминия на раскисшую, усиленную поперечно уложенными жердями почву. И катить, метр за метром, а уже завтра ближе к полудню я выползу на открытый участок.

Не скажу, что физический труд не приносит пользы. Приносит, но как порой хочется выругаться крепким словцом, когда вместо бензопилы получается орудовать лишь короткой ножовкой и топором с клиньями. И березы вроде не те, что обхватить нельзя; обычные, сантиметров двадцать-тридцать в диаметре, и немного их, а нате вам. Шуметь мне нельзя, от слова совсем. Деревенька с ее огородами начинается в пятистах шагах, и двенадцать метров березовой рощи с густо растущим кустарником с трудом скрывают визг и стук даже моего примитивного инструмента. Посему и приходится изворачиваться, как вору, замирая от каждого постороннего звука. Вскоре очередь дошла до лопаты, но перед этим мне пришлось поиграть в шпионов-наблюдателей.

По едва прибитой людскими стопами дороге, помогая себе наспех сделанным костылем, брела маленькая девочка, заливаясь ручьем слез. Никакой раны на увечной ноге я не увидел, но то, что правая ступня практически не касалась земли, было заметно. Короткая, явно не по фигуре, сероватого цвета рубаха едва прикрывала ей икры. Присмотревшись, я понял, что ребенок просто подвернул ногу. Вроде бы помочь надо, и память услужливо нашептывала о судьбе мира и слезе дитя, но нет. Пока не выполнена первая часть задуманного плана, ста-

[2] Морской контейнер 40 футов имеет стандартные размеры: длина – 12 м 19 см, ширина – 2 м 43 см, высота – 2 м 59 см. Вес пустого контейнера составляет 3900 кг. Максимальный вес груза 26 580 кг. Объем 40-футового контейнера – 67,7 куб. м.

нем считать, что меня здесь нет. В конце концов, с такими напастями деревенские уж как-то должны были справляться. Так что проводил взглядом горемычную с розоватым повойником на голове и принялся засыпать овражек.

Работа спорилась, и наконец-то настала возможность постепенно освобождать контейнер, и помощь мне в этом должна была оказать выносная стрела с набором блоков. Один из предметов – рама «тарантаса» (на самом деле правильно называть четырехместная карета типа ландо, просто мне это слово больше нравится) была изъята именно таким образом. Следом пошли оси, колеса, рессоры и элементы кузова. Едва повозка стала приобретать свои исходные очертания, как встрепенулись сивки-бурки. Полностью поддерживаю мнение экспертов, утверждающих, что лошадь начинает вести себя несколько иначе, как только чувствует свою полезность. Не знаю, как прочие породы, но донская реагирует как на уздечку с седлом, так и на хомут характерным фырканьем. Что это означает: радость или неприятие, – пусть разбираются специалисты. Замечу, что стоит лишь, перед тем как взнуздывать и запрягать лошадь, дать время ей поваляться в траве, то можно быть уверенным, в этот день тебя не подведут. Так что завтра утречком и поваляем, и накормим, и напоим. Кстати, за водичкой к роднику придется сходить уже сейчас, и двадцатилитровая фляга-рюкзак оказалась за моей спиной.

Как я и планировал, с помощью лебедок и перфорированного настила повозка покинула березовую рощу, вписываясь в график работ с легким опережением. Мне даже удалось немного попозировать перед зеркалом, и где-то без четверти одиннадцать я стоял у запряженной пары лошадей. Признаюсь, хоть и пришлось в течение двух недель под присмотром модельера выдерживать пытку по привыканию к костюму, мне все время казалось: что-то где-то вылезло, топорщится и выглядит не иначе, как по-клоунски. Помните выражение «детский сад – штаны на лямках», так вот, эти лямки на мне присутствуют. Как вверху, в виде подтяжек, так и внизу, называющиеся штрипками и проходящие под самым каблуком полусапог. Несущественно, но это крик души. Впрочем, все остальное вполне носимо. Подтяжки скрывает жилет кремовых тонов, под ним – шелковая рубашка с дерзко стоящим воротником и шейным платком с булавкой. В качестве верхней одежды – темно-синий укороченный редингот с пуговицами. Пуговицы не простые, это искусственные сапфиры в золотом обрамлении. Так сказать, малая часть золотовалютных резервов на случай фиаско с ассигнациями и прочей иностранной валюты. На голове цилиндр, на руках перчатки. Присутствует и трость, но она сейчас бесполезна и скучает внутри кареты. Может, при прогулках по паркету или на худой конец по недавно вымытому тротуару с брусчаткой, мой костюм и отвечает всем запросом времени, но здесь, в лесополосе у самой дороги на всю эту английскую моду нужно начхать. Посему, перед тем как стянуть с себя бахилы, я облачился в дорожный плащ, закрыл ноги крагами и, примостившись на место кучера, хлестнул вожжами, управляя в нужную сторону. Лошади тронулись резким рывком и, как только мы оказались на колее, замерли. Хитрюги. Ну, ничего, знания всей процедуры у меня не только присутствовали, а еще и подкреплены практикой, так что щелчок посильнее, и мы покатились в сторону провинциального уездного городка Грядны, в котором проживало почти сто тридцать человек.

Восемь верст пути превратились в двухчасовую поездку. Минуя ряд деревень из трех-пяти изб и одиноко стоящих хозяйств, я нередко останавливался, сверяясь с картой по компасу, а заодно проверял гидравлику и пневмокорд колес. Вдруг что-то не закрутил, да и было у меня подозрение, что с использованием подков на проезжей части можно встретить немыслимое количество гвоздей, а с ними и все сопутствующие проблемы для шин. Но чаще всего возникшие перерывы происходили из-за банального уточнения маршрута. И если праздношатающихся или спешащих по своим делам крестьян я не встретил совсем, то подрастающее поколение уезда присутствовало. Один из них, мальчишка шести-восьми лет, появившийся у дороги как по мановению волшебника, подробно рассказал мне о своих проблемах, показал, как командует гусями, разделил со мной обед и, крепко зажав в кулаке двухкопеечную монету,

так же исчез, оставаясь позади за спиной. От меня не убудет. Зато теперь я знал, куда конкретно я еду, как звать штабс-капитана Есиповича, его жену, управляющую всем хозяйством тещу и многое другое, выяснить которое можно только при длительном нахождении на объекте.

Дом штабс-капитана расположился в самом живописном месте, которое можно было здесь представить, вписавшись в виде буквы «П» между прудом и садом. Широкой фронтальной частью он смотрел на дорогу; но не гордо, выпячивая благородные архитектурные линии, а стыдливо прикрывая массивным козырьком скромное крыльцо без всяких античных колонн и лепнины. Две пристройки по бокам, как вытянувшаяся вперед кавалерия, прикрывали основное здание с флангов. Правый флигель, судя по свежим венцам, недавно достроенный, подбирался впритык к раскидистой иве с беседкой. Левый же беспросветно уходил в яблоневый сад, отчего был мне особо не виден. Двор между садом и ивой пестрел вытоптанной и подъеденной плешью зеленого газона, который образовался сам по себе и ни разу не подвергался скашиванию. Возле дерева суетилась домашняя птица, и как стало видно позднее, привлекал ее искусственный пруд. Там же стояла повозка с внушительной бочкой, из которой кто-то вычерпывал воду. В общем, скромненько и, судя по всему, по имеющимся средствам. То есть приемов с балами здесь отродясь не было и не будет. Выждав некоторое время, которое наверняка потребовалось хозяевам для каких-нибудь приготовлений, переодеться, к примеру, я подъехал к крыльцу.

– Алексей Николаевич Борисов, путешественник из Калькутты, – представился я и сразу же уточнил цель визита: – Проездом в ваших краях. Разыскиваю штабс-капитана Есиповича Генриха Вальдемаровича.

– Позвольте, Генрих Вальдемарович это я. А это моя супруга, Наталия Августовна, и мутер… – с трудом сдерживая подергивание пышных усов, – Елизавета Петровна. Извините, я не расслышал, вы откуда?

– Из Калькутты, – чуть повышая голос, повторил я.

– Это я понял, что из Какуты, – с прищуром посмотрел на меня штабс-капитан. – Где это?

– Шесть тысяч верст на юго-восток. Индия.

– Ого! – раздалось со стороны женского коллектива.

– Ааа… далековато. Как там персы, шалят? Вот и я так же считаю, давить их надо было, под Ереванем, давить. Эх, нет уже тех богатырей… Да что это я, проходите в дом, небось устали с дороги?

Приняли меня в достаточно просторном зале, где, к удивлению, присутствовали матерчатая обивка на стенах (кабы не шелковая), дорогие ковры и весьма изысканная мебель. Да что говорить, здесь стоял даже клавесин. Видя мое удивление, Наталия Августовна не преминула похвастать:

– Генрих Вальдемарович из Измаила привез.

Теперь-то все стало на свои места. Богатое внутреннее убранство – трофеи. Сколько там из крепости вывезли? Десять миллионов пиастров только монетой, а иных ценностей… Между тем я мог вдоволь насмотреться на ветерана турецкой войны, вышедшего в отставку «с мундиром». Его телесная крепость, атлетические пропорции сильной фигуры и впечатление спокойного равновесия и уверенности, с какой он занимал свое место среди людей, никак не вязалась с тем простаком, коим он предстал в начале знакомства. Казалось, он чувствует себя в жизни так же свободно и устойчиво, как ступает по ковру своими большими башмаками с серебряными пряжками, блестящими из-под полотняных гетр. Лицо его было внушительным и узнаваемым, я бы сравнил с орлиным профилем одного из рисунков Джованнантонио Досио – такие лица обычно называют римскими – отягощенное дряблой пухлостью, которой живописцы и скульпторы всех школ неизменно наделяли римских кесарей, стараясь придать им величие или хотя бы как-то соответствовать описаниям Светония.

За этими рассуждениями я прозевал часть сказанной фразы и уловил лишь последние слова:

– Я лично Максудку полонил, да за шкуру к Борис Петровичу, царство ему небесное, прямо под ноги приволок.

После этого спича звук «ого» чуть не вырвался уже из меня. Пастушонок рассказал, что барин много воевал, но такие подробности… Ведь если Генрих Вальдемарович служил у Ласси, которого он по-приятельски назвал по имени-отчеству, то после событий у Бахчисарайского госпиталя его гренадеры татар в плен не брали. Так что вполне мог чингизида Максуда Гирея и за шкуру, и за другое место потаскать. Молодец капитан, наш человек.

– Позвольте пожать руку герою!

– Да что вы, какой герой. Эх, – отпуская мою руку, – Петя, Станислав… вот герои. Погодите, я сейчас покажу вам свою коллекцию пистолей. Вы любите оружие?

– Как и любой мужчина, – сразу ответил я. – С моим образом жизни, сами понимаете, без него никуда.

– Тогда оставим женщин с их стряпней и идемте за мной, – произнес штабс-капитан, приглашая взмахом руки следовать за ним. – У нас еще целый час до обеда.

– Генрих Вальдемарович, – взмолился я, – погодите. Экипаж, кони.

– Неужто мы без понятия? – с удивлением в голосе произнес хозяин. – Степка все сделает. Распряжет, оботрет, напоит.

– У меня еще кот со щенком в корзинах, – напомнил я.

– Присмотрит и за ними, не переживайте. Так по какому вопросу вы меня искали? – дойдя до кабинета, поинтересовался штабс-капитан.

– В том то и дело, Генрих Вальдемарович, – с грустью в голосе произнес я, – вопросов у меня слишком много.

– А давайте их излагать по порядку, – дружелюбно произнес хозяин дома. – Располагайтесь в кресле, а я тут, у столика присяду.

– Воля ваша, извольте. – Собравшись с мыслями и, выдержав некую паузу, я принялся рассказывать. – Так сложились звезды, что с отрочества мне пришлось путешествовать по разным странам: Скандинавия, Английские острова, Испания, Африка, пересекал океаны, был даже в Америках. Сначала с дядей, а уж потом и самостоятельно. Много где побывал, много что повидал. В каких-то местах приходилось задержаться, и они почти становились моей родиной; а какие-то даже не оставили воспоминаний. Мне нравилось смотреть на свет божий и искать свое предназначение в нем, но рано или поздно приходится возвращаться к истокам. В общем, два месяца назад меня настигло письмо, заставившее прекратить свои путешествия и прибыть сюда. Я еще неважно ориентируюсь здесь, но точно уверен, что где-то рядом располагается именье Борисовых, и мне нужно как можно скорее туда попасть, дабы предотвратить несчастье. А так, как мне подсказали, кто в этих краях пользуется непререкаемым авторитетом, то сразу обратился к вам.

– Так-с, так это ж мои соседи, а кем вы приходились покойному Леонтию Андреевичу? – вставая со стула и направляясь к секретеру, произнес капитан.

– Насколько я помню, племянником. Только Леонтию Николаевичу, – строго произнес я. – Про Леонтия Андреевича я не слышал.

– Да, да. Оговорился, простите, – извинился Генрих Вальдемарович и, словно ничего не произошло, продолжил: – А что за несчастье?

– Я бы не хотел обсуждать это. Вопрос касается чести, и это наше семейное дело.

– Конечно, ваше право. Простите старика за бестактность. Вернемся к началу, чем могу быть полезен?

– Вчера ночью, – стал излагать свою просьбу, – я потерял одного человека, моего слугу. Мне очень бы хотелось его найти, а также то, что исчезло вместе с ним.

– Так вот почему вы один! Вот же мерзавец, ах, негодяй. А что он похитил, деньги, наверное?

– Да, в портмоне лежали какие-то деньги. Английские фунты, ассигнации, но немного, около сотни. Я не особо доверяю бумажным билетам. Важно другое: там были мои и дядины документы, и Смит их подло украл. Все, что у меня осталось, так это пара рекомендательных писем да несчастная купчая, из-за которой я здесь.

– Какая купчая? – заинтересовался Есипович.

– Вот эта, – сказал я, протягивая листок. – Генрих Вальдемарович, вы сможете мне помочь в поисках?

– Да уж, горе так горе. – Хозяин кабинета повернулся к окошку и встал ближе к свету, рассматривая документ. – Не приходит беда одна, – с горечью произнес он. – Конечно, узнать про такое… сердце у Леонтия не выдержало. Ну, Сашка, едрить тебя. Ну, Сашка! Говорил же, предупреждал! Что с матерью-то будет? Аспид! Послушайте меня внимательно и говорите только правду. – И куда подевался добродушный старичок? – Это вы выиграли в карты у Сашки именье?

– Я его выкупил. И не у Сашки, а у того человека, который написал мне письмо. Генрих Вальдемарович, так вы поможете?

– Не врете. По глазам вижу. – Штабс-капитан вернулся к стулу. – Смиритесь и выкиньте из головы своего Смита. Пустое это, он уже наверняка по дороге к Варшаве.

– Вот сукин сын! – вырвалось у меня.

– Я догадывался, что у Леонтия был покровитель, догадывался, – стал рассуждать вслух Генрих Вальдемарович. – Неспроста же ему пенсион такой дали. Ладно! – закидывая ногу за ногу. – Дядек ваших Господь прибрал, царство им небесное. Так что один вы как перст, и переживать вам надлежит в первую очередь о себе. Вы же сейчас иностранец без пашпорта.

– Я не иностранец!

– Но по факту это так? Согласитесь. Секундочку, я не ослышался, вы упоминали о рекомендательных письмах, можно их посмотреть? Надеюсь, они не так измордованы, как купчая, буковки разглядеть-то хоть можно?

– Конечно, если вы соизволите распорядиться принести мой сундук. А по поводу того, как поручик хранил документ, – не моя вина. Думаю, купчая неделю не сходила с игрового стола.

Не вставая со стула, Генрих Вальдемарович протянул руку к стене и дернул за шнурок, увиденный мною только сейчас. Буквально через пару секунд дверь в кабинет отворилась, и в проеме показался солдат. Самый настоящий, в мундире и сапогах, только давно уже в отставке, с явно выраженной сединой и такими же, как у хозяина, усами.

– Степа, у гостя нашего в тарантасе сундук лежит, неси его сюда.

– Позади, на подножке, – уточнил я, – серебристого цвета с монограммой и черными ремнями. Тяжелый, одному не справиться.

Я услышал, как на мои предостережения по поводу веса солдат тихонечко хмыкнул, мол, для кого как. Что ж, посмотрим. И будто в подтверждение моих мыслей штабс-капитан добавил:

– С братом в подмогу, бережно.

Пока несли сундук, Генрих Вальдемарович расспрашивал меня о разных пустяках: о дороге, погоде, каким маршрутом добрался до губернии, давно ли посещал столицу, и видел ли я слона. Наконец-то Степан с братом-близнецом доставили затребованный багаж.

Алюминиевый ящик класса D на четыреста пятьдесят пять литров не поддается коррозии, не боится воды и, самое важное, в случае надобности может отдать свой ценный металл. Помните условия копирования? Все разрушается от времени, но если схитрить и переплавить, то ограничения чертова ядра можно обойти. Повернув ключ в замке и откинув крышку, я

ощутил легкое движение позади себя. Все, начиная от хозяина дома и заканчивая солдатами, нагнулись, стараясь рассмотреть содержимое. А объяснялось все тем, что сверху лежали два пистолета. Понятно, что во время путешествия случаи бывают разные, и к собственной безопасности стоит подходить не только со всей ответственностью, а и с известной долей выдумки. И когда оружие появляется оттуда, откуда совсем не ждешь, шансы у участников противостояния немного изменяются. Вроде бы прописные истины, однако повышенный интерес вызвал и еще один факт: где же у пистолей воспламеняющий порох механизм? Подумали об этом многие, и вопрос уже готов был слететь с уст. А вот давать ответ на него я не собирался.

Отодвинув оружие, я вытащил пенал с писчими принадлежностями и, изъяв из стопки конвертов[3] несколько, захлопнул крышку.

– Это рекомендательное письмо от Ранджита Сингха из Лахора, это от губернатора Мадраса лорда Уильяма Генри Кавендиш-Бентинк, вскрытое от губернатора Ямайки сэра Эйра Кута. Это от…

– Давайте посмотрим открытое, – предложил капитан, сделав отмашку слугам, отпуская их. – Так-с, хмм… не пойму что-то.

– Письмо на английском, – подсказал я.

– Да я и по-французски не очень, так, с пятого на десятое. Да и без очков… Прочтите.

«Дорогой друг, милостью Божией и короля Георга III губернатор Ямайки, я, сэр Эйр Кут, без колебаний и сомнений заявляю, что рад был знакомству с благороднейшим и великой чести русским дворянином Алексей из рода Борисова, оказавшим мне неоценимые услуги».

– В остальных то же самое?

– Я не читал, – сухо произнес я, складывая письмо.

– Добро. Ответьте на мой вопрос. Коли все разрешится для вас благополучно, что собираетесь делать с именьем?

– Если б Леонтий Николаевич был бы с нами, то отдал бы ему эту купчую, погостил немного и отправился бы через всю Россию в Охотск. А сейчас даже не знаю. Я ж не был в именье. Может, мне там настолько понравится, что останусь жить. Даже яблони, как у вас, посажу.

– Что ж, – вставая со стула, произнес Генрих Вальдемарович, – подведем итоги. Только выслушайте без выражения эмоций. Ко мне приезжает одетый по последней моде щеголь, весь надушенный, похожий на тех самых, прожигающих отцовское наследство и ничего в этой жизни не ведающих. Представляется родственником моего старого друга и соседа, чьих племянников и племянниц я знаю как пять своих пальцев, но о нем никогда не слышал. Документов он не имеет, так как подвергся грабежу своего же слуги, но при всем при этом умудрился сохранить рекомендательные письма и обладает купчей на все имение целиком. Очень все это странно. Признаюсь честно, пока я не увидел, как братья тащат сундук, я не верил ни единому вашему слову. А ведь они, не запыхавшись, трехфунтовую пушку полторы версты несли. И тут мне стало ясно: будь тот Смит не дурак, так он прихватил бы и самое ценное – сундук, в котором, судя по весу, либо золото, либо свинец; но видать, кишка тонка. Либо содержимое портмоне оказалось настолько важным, что слуга даже не определялся с выбором. Идем дальше. Есть ли у меня основания не доверять сэру Куту? Конечно, есть. Я его в глаза не видел. Для меня доброе слово от Пятницкого или Русанова в сто крат выше какого-то князька с островов за тридевять земель. Понимаете, для чего я это все говорю? Именно так все увидит наш Сергей Иванович, ибо вдаваться в подробности – у него просто нет времени. А чтобы он прислушался к вашим словам, стоит заручиться поддержкой еще нескольких дворян. Те же Пятницкий и Русанов, пожалуй, и хватит. Напишите прошение, а там в этой бумажной воло-

[3] Привычный нам почтовый конверт в описываемое время не существовал.

ките сам черт ногу сломит, и в итоге все само собой образуется. У вас как с деньгами? Если нужно одолжиться, говорите.

– Спасибо. Некоторыми средствами располагаю.

– Тогда с утра стоит наведаться в именье, а пока поживите у меня. Вам же яблони понравились? Там как раз комната моего сына, думаю, он не станет противиться. А теперь, – воодушевленно произнес Есипович, – идемте смотреть пистоли.

Да уж, разложил меня старичок по полочкам. И как ловко у бестии получилось. Кто же ты есть, Генрих Вальдемарович? И пока я обдумывал прошедший разговор, штабс-капитан провел меня в свою церковь, ибо назвать иным словом эту оружейную комнату не поворачивался язык. Если бы тут были одни пистоли, как же. Тут и старинные русские пищали, испанские мушкеты прошлого века, персидские джейзали с кривыми прикладами, французские нарезные карабины. Наиболее дорогие образцы висели на стенах, менее ценное покоилось на подставках в пирамиде, а две бомбарды так и вовсе заняли место на полу. Клинкового оружия не наблюдалось, но и без него было на что посмотреть. Навскидку присутствующим арсеналом можно было оснастить целую сотню.

– Давно собираете? – поинтересовался я, крутя в руках шкатулочный пистолет.

– Четверть века, – пафосно сообщил Есипович. – И у каждого своя история. Видите французское пехотное ружье образца тысяча семьсот семьдесят седьмого года с зарубкой на стволе? Редкая дрянь. Степка его из рук убитого турка выхватил и с пяти шагов по топчу промазал. Если бы не штык… Пушкарь уже пальник подносил. Взяли тогда на память. С тех пор и не стреляли из него. А вот рядом с ним уже кое-что. Пехотный штуцер а-эн двенадцать. Старший отдарился. Хоть наши в ту битву еле ноги унесли, но сын ружьишко прихватил, знает мою страсть.

– Сражался под Аустерлицем?

– Писал, что находился в четвертой линии. Я тоже так своим писал. А когда Арсения в конце декабря еле живого привезли, все хорохорился. Полгода на излечении здесь провел, еле выходили. Восемнадцать лет, и чуть было без ноги не остался. С тех пор подумываю, а не вернуться ли мне на службу? Здоровье при мне, да и денщики еще кое-что могут. Сейчас, поди, как при Александре Васильевиче уже и не воюют? Вот и покажем мы…

– Ничего, годика через два-три вновь схлестнемся, – произнес я. – Шанс появится.

– Этим и живу, – пробурчал Есипович. – Это ж какой позор! Впервые за сто лет проиграть генеральное сражение… А что, взаправду через годик-другой?

– Генрих Вальдемарович, когда это басурмане свой интерес упускали? Стравят, подкупят, оговорят, в ухо нашепчут, а то и угрозой воспользуются. Да и Наполеон – волк еще тот, а свора его и того хуже. Не ужиться нам в мире.

– А когда мы в мире-то жили? – справедливо вопросил хозяин дома. – Ладно, чует моя требуха, что пора подкрепиться.

Обедали мы в гостиной. В том самом зале, где стоял клавесин. Только сейчас стол оказался немного передвинут, выставлен дополнительный стул, а вместо кружевной салфетки столешницу покрывала скатерть. Серебряные приборы были без всяких дополнительных маленьких вилочек и ложек и, кстати, тоже трофейные. Зато сервиз оказался покупной, о чем поведала Елизавета Петровна. Изделия «Мануфактуры Гарднеръ» достались ей по случаю ярмарки в Смоленске два года назад. И если бы не разбитый фарфоровый половник, то ушли бы полезные в хозяйстве вещи прямиком в дом генерал-губернатора, а так сервиз здесь. Да и Мишка, местный резчик по дереву, придумал нечто особенное, что половник стал лучше прежнего: со старой чашей и новой деревянной ручкой. Впрочем, визуально оценить изделие я мог уже спустя минуту, когда разливали по тарелкам уху. Со своей основной задачей большая ложка справлялась, а с эстетической точки зрения нарушения гармонии я не заметил. По крайней мере, вышло ничуть не хуже, чем у японских мастеров «золотого шва» (кинтсуги). На второе

подавали отварного налима с гречневой кашей. Учитывая тот факт, что вода в реках уже прогрелась, отловить этого зверя не так-то и просто. Своими мыслями я поделился с сидящими за столом, за что поплатился четвертьчасовыми советами: как ловить, на что, при каких природных особенностях, и в каких потайных местах. Лепту свою внесла и Наталия Августовна, сообщив о проживающем в Аболонье докторе Франце, настоятельно не рекомендовавшем налима при наличии камней в почках. Про налима временно позабыли, впрочем, от него и костей почти не осталось, зато зародившееся новое русло разговора с каждой минутой привлекало в себя новые притоки. Казалось, что осуждению подверглись все известные и мнимые болезни. Доктор Франц выступал в роли медицинского светила и полного бездаря одновременно, в зависимости от разного взгляда полемизирующих на лечимое им заболевание. Так бы и закончился обед на медицинской ноте, если бы Степан не напомнил, что самовар вот-вот закипит. Тут мне пришлось попросить слова и известить хозяев о наличии редких сортов чая, собранных в Гималаях, которые надо непременно испробовать. И пока шел процесс чаепития, я рассказывал забавные истории. По времени их хватило ровно на двухлитровый самовар, который закончился на словах благодарности: «спасибо, матушка, уважила» то ли теще то ли жене, произнесенных хозяином дома.

С окончанием трапезы интерес к моей персоне временно иссяк, и у меня появилась возможность прогуляться, осмотреться и подумать. Если рассуждать о быте в имении Есиповичей, то его можно было охарактеризовать всего двумя словами: работа и сон. Пока длился световой день, все должны были быть чем-то заняты. Тот же Генрих Вальдемарович не гнушался после обеда наколоть дров для кухни и бани, пока его денщики отправились за водой к ручью у озера Глубокое, а Елизавета Петровна с Наталией Августовной готовили мою комнату к проживанию. Конечно, я поинтересовался, как они управляются со всеми делами, и выяснил, что в услужении у семьи было всего пять человек: два солдата – Степан и Тимофей, прошедшие весь срок службы со своим барином, две девушки – Глаша и Даша, и бабушка Грета, командовавшая поварешкой, а в прошлом кормилица хозяина поместья. Сам Генрих приехал сюда двадцать четыре года назад, приняв в качестве приданого крепкий дом, шесть крестьянских семей да большое конопляное поле, и не преуспел. Отчего так произошло, я узнал, парясь в бане. Наталья Августовна, пока муж подставлял грудь под пули и штыки, поддавшись на уговоры матери, решила показать деловую хватку, отдав крепостных внаем. Елизавета Петровна, будучи в те времена весьма недурна собой (она и сейчас была весьма похожа на одну известную актрису особого жанра adultere[4]), закрутила легкий флирт с отставным поручиком и то ли потеряла голову, то ли еще что-то, но части имущества они фактически лишились. Теперь же практически все жители Грядны так или иначе работали на мануфактуре поручика Павла Щепочкина, а Генрих Вальдемарович оказался лишь одним из пайщиков, и существенных улучшений за четверть века именье не приобрело. Более того, памятуя события двухгодичной давности в Юхновском уезде, когда бунтующих усмиряли солдаты, Щепочкин посадил при мануфактуре освобожденных от крепости крестьян со своими лавками и ремесленными мастерскими. И к пяти станам полотняной фабрики добавились мещане, превращая деревню в маленький городок. Только за последний год его население возросло на двадцать процентов, а торговля произведенными товарами превратила дорогу до Касплянского причала в почти накатанное до твердости камня полотно. Из почтового отделения Каспли сюда даже привозили газету «Северная почта», оставляя ее в трактире. По сути, то время, когда Генрих Вальдемарович вроде как оставался самым главным, уже истекало, а по факту еще два-три года и в Гряднах поставят почтовую станцию, а там и администрацию, и глядишь, депутатское собрание не за горами. Так что мой приезд и франтоватый вид не на шутку встревожил помещика, а потом дело приняло совсем другой оборот.

[4] Прелюбодеяние(*фр.*).

Оставив (как в банке залог) алюминиевый сундук в приютившем меня доме, рано утром буквально на заре мы со штабс-капитаном в сопровождении денщика отправились в короткий вояж. Сообразительный и явно имеющий способности к управлению любым гужевым транспортом, после короткого инструктажа Тимофей забрался на козлы и, осторожно опустив стояночный тормоз, щелкнул кнутом. Ехали мы навестить старых друзей Генриха Вальдемаровича. Но не Пятницкого с Русановым, проживавших в Смоленске, про которых мне вчера рассказывали, а ближайших соседей: Полушкина и Пулинского. Это были весьма интересные личности, так как получили свои офицерские чины не наличием дворянского происхождения, а исключительно благодаря личным качествам. Вышедший из солдатских детей Полушкин, к примеру, был в составе группы, открывшей Хотинские ворота Измаила, первым забрался на вал и уже в самом разгаре сражения, когда зачищали улицы города, прикрыл своим телом Генриха Вальдемаровича, приняв пулю на наградной рубль. В наше время его одногодкам и пачку табака бы не продали, а тогда… Естественно, штабс-капитан не забыл своего боевого товарища, и беспоместный дворянин, поручик в отставке Полушкин поселился в Васелинках, прозванных в народе «Волки» из-за чудовищного количества хищников. Пулинский, хоть и был приемным сыном одного из адъютантов Потемкина, службу начал с рядовых и благодаря грамоте и усердию дослужился до фельдфебеля за семь лет. А дальше удачные стечения обстоятельств зажгли над ним звезду. На статного двухметрового красавца положила глаз не менее красивая полька, дочка Казимира Ивановича Аша. Барон только получил чин статского советника, и дабы избежать скандала, все устроил. Пулинский стал подпоручиком. В действительности Казимир Иванович только и занимался тем, что все устраивал и всех устраивал. В итоге чета Пулинских осела в селе Верховье, где в роскошном особняке воспитывала восьмерых детей: шестерых своих и двоих приемных. По большому счету Генриха Вальдемаровича интересовала Анастасия Казимировна, унаследовавшая от отца тот чиновничий шарм, с которым их братия легко находит промеж собой общий язык, обрастая нужными связями.

– Скажите мне, любезный Алексей Николаевич, – обратился ко мне Есипович, когда ландо проехало по бревенчатому настилу, покрывавшему русло ручья, – насколько ценно для вас украденное портмоне?

– К чему вы спрашиваете?

– А к тому, что Иван Иванович знает эту округу окрест тридцати пять верст как никто другой. И если кто и сыщет вашего Смита, то только он. Где вы ночевали в тот раз?

Задумавшись, словно вспоминая, я стал отвечать:

– До вас я добирался четыре часа, с востока на запад.

– Мост через Жереспею проезжали?

– Не помню, вроде нет. Погодите, я названия записывал, – вытащив записную книжку и открыв на нужной странице, я принялся объяснять: – По Смоленской дороге ехали, проезжали Печерск, останавливались в Захаринке, а оттуда верст пять-семь проехали и, не найдя где заночевать, остановились. Вспомнил, был мостик. В версте перед ним дуб огромный, а за мостом не то избушка на холмике, не то землянка какая-то. Где-то с полверсты от нее все дело и произошло. Я возвращаться не захотел, предпочел на свежем воздухе, в шатре. У меня с собой кровать раскладная – очень удобная, да и место подходящее…

– Ну да, подходящее. Вы, сударь, как раз напротив своей усадьбы и заночевали.

– Тот домик? – с удивлением спросил я.

– Нет, не тот, – раздраженно ответил Есипович с таким выражением лица, словно какую-то несуразицу услышал. – Это у Леонтия коптильня была. От брода надо было левее взять, как раз с полверсты. А вы к Абраменкам повернули. Бывает же так, словно приманивали. Но и обольщаться не стоит. Последние годы были непростыми, да и урожаи… Ладно, а как выглядел этот Смит, сможете описать?

– Зачем описывать, проще нарисовать. Я зарисовки делать люблю, места там разные, пейзажи красивые, людей, зверей. Есть у меня портреты Смита. Думаю, вырвать для дела лист из дневника можно. Так даже проще будет.

– Тимофей, стой! – вдруг крикнул Генрих Вальдемарович. – Приехали.

Лошади остановились как вкопанные, а спустя секунду от окруженной с трех сторон лесом избы послышался вой. Я бы сказал – волчий.

– Братец, – позвал Есипович денщика, – тебя Серый знает, сходи, покличь Иван Ивановича, дело до него есть.

Едва Тимофей отошел от кареты, Генрих Вальдемарович вновь обратился ко мне:

– Я еще раз спрашиваю, насколько дорого портмоне? Сколько сможете выделить награды?

– Сто рублей.

– Агх… – поперхнулся Есипович. – Что ж там было?

– Разное, – равнодушно ответил я. – Кто найдет, тот увидит, а вот прочесть сложно будет.

Вскоре показался Полушкин, а за ним увивался мальчонка с палкой, сильно похожий на встреченного накануне перегонявшего гусей пастушка. Штабс-капитан обнял Иван Ивановича, стиснул в объятиях (как мне показалось, что-то шепнул ему на ухо) и представил мне. Минут пять шел разговор на отвлеченные темы, а затем Генрих Вальдемарович четко поставил задачу: найти беглого преступника-иноземца по имеющемуся портрету.

– Если вчера сбег, то это не сложно, – стал рассуждать Иван Иванович, – все бегут в сторону города, к Смоленску. Там и людей поболе, и затеряться не сложно. Это они так думают. Тем более вы говорите, что иноземец, да на своих двоих. Сыщем.

– Смит вооружен и обучен пользоваться как огнестрельным, так и холодным оружием. Имеет опыт абордажного боя и организации засад. Язык наш знает. При нем как минимум тесак из обломка палаша и топор. Возможно, сделает пику, с ней он управляется лучше всего.

– Ваня! Дай!

Мальчонка подбросил вверх палку, Полушкин просто взмахнул рукой, и пастуший посох улетел метров за пять. Когда же палка была принесена, то в верхней ее части торчал клинок с коротким лезвием.

– Впечатляет. Но помимо трюков с ножом, я бы хотел, чтобы вы были вооружены как на войну. Ваня, посох не жалко?

– Еще выстругаю, – ответил сорванец, показывая мне двухкопеечную монетку.

Вернувшись к карете, я откинул спинку сиденья, открыл потайную дверцу и достал из тайника патронташ с готовым к бою двуствольным ружьем. Нехитрые манипуляции, и два патрона с дробью заняли свое место.

– Ваня! Дай!

Палка взлетела в небо под острым углом и не так аккуратно, как для Полушкина, но на таком расстоянии для стендовой стрельбы это даже не упражнение. А я в свое время, хоть и не становился призером, но в десятку входил часто. Посох лишился испачканного в земле куска и разлетелся в щепу в несколько секунд.

– Смит стреляет не хуже меня.

Иван Иванович просто пожал плечами:

– Я от пули не помру, цыганка нагадала.

Штабс-капитан сделал жест пальцами, намекающий на оплату, и мне снова пришлось лезть в тайник, вынимая ассигнации и пятачок для пастушка, последний из мелких разменных монет.

– Пятьдесят рублей аванс, и пятьдесят после того, как притащите моего слугу. С ним должно быть портмоне из рыжей кожи, застегнутое на ремешок. Если я буду удовлетворен тем, что находится внутри, – выплачу премию.

– Договорились, – сухо сказал Полушкин, принимая две двадцатипятирублевые ассигнации со скругленными краями. – За четыре дня управлюсь.

– Успеете за два – сумма гонорара возрастет втрое.

– Тогда прощайте, господа.

Иван Иванович развернулся и скорым шагом, почти бегом, двинулся к дому, а мальчонка, сложив две монетки вместе, мечтательно зажмурился.

Теперь стоит рассказать, для чего выдумывалась вся эта история со Смитом. Ведь и документы, которые тут называют «пашпорт», и свидетельство о рождении, и прочие бумаги у меня подготовлены и в полном порядке. В конце концов, можно было не городить весь этот огород, если бы не та цель, которую я поставил перед собой, оказавшись в этом времени. Замечу, цель сложновыполнимая, требующая колоссальных ресурсов и людских резервов. И там, где за год, лупя палкой без остановки, обезьяна расколет деревянную колоду, у меня будет возможность нанести удар только один раз; и если в руках не окажется колуна, то и стараться не стоит. Печаль, а иначе только становиться обезьяной. И социология о том же говорит, что простые пути не всегда наиболее короткие, и надо бы поразмыслить, стоит ли нырять в омут, когда лучше потерять время и выбрать путь в обход. И один из вариантов – это воспользоваться одним из свойств человеческой души: люди стараются разглядеть в банальных вещах нечто необычное. Но и тут есть подводные камни. Как только вы поймаете себя на том, что уже готовы управлять результатами, постарайтесь осознать, что произошло в действительности. Ведь заинтересованный вами человек, воспользовавшись вашим же советом, может сотворить действие, прямо противоположное вашему желанию. И чтобы этого не произошло, надо постараться связать нужного вам индивидуума совместной ответственностью, так как человек часто испытывает потребность в оказании помощи другим. А еще лучше – совместным делом, таким как поиски черной кошки в темной комнате. В нашем же случае кошка обзывается Смитом, и уже мало кому есть дело до разных существенных для меня вещей и совершенных пустяков для других.

К чете Пулинских мы добрались довольно шустро, примерно за час с четвертью. Во-первых, Тимофей приноровился к управлению каретой; а во-вторых, последние девять верст неслись по укатанной дороге, без явных ям и огромных луж. Кстати про лужи: они здесь в изобилии. И часто, не проверив глубину палкой, двигаться по дороге невозможно. Впрочем, могли и не торопиться, так как глава семейства отбыл в Смоленск еще вчера, и рассчитывающий на особый прием Генрих лишь скрипнул зубами. К тому же встретившая нас горничная предупредила, что баронесса (хотя она не имела даже титула учтивости) не здорова и пребывает в меланхолии, а значит, и принимать никого не будет. При таких обстоятельствах потребовался нестандартный ход. Стоит заметить, что при нанесении незапланированного визита, иными словами, если вас не звали, а вы пришли, принято было передавать визитную карточку, не настаивая на аудиенции. И все бы шло своим чередом, кабы приносящий карточку слуга был абсолютно индифферентен к своему работодателю. Но здесь даже невооруженным глазом было видно, что горничная с хозяйкой общается тесно и вступится за нее горой, ну, соответственно, и девице будет многое прощено, а посему вместе с карточкой я передал серебряный рубль, со словами:

– Дело неотложной важности.

– Хорошо, я выясню, пожелает ли госпожа вас видеть, – неохотно сказала она с шипящим польским акцентом. – Вы можете пройти внутрь и подождать в комнате.

Нас приняли спустя полчаса, предварительно дав время привести себя в порядок после долгой дороги и осмотреться. Мы попали в настоящий дворец. После увиденных мною «дворянских гнезд» провинции, где скромность граничила с откровенной бедностью, высокая прихожая с причудливыми колоннами подавляла своими размерами. Широкая серовато-белая мраморная лестница, устланная шикарным ковром, уставленная вазами с цветами, ведущая к

огромному портрету женщины в полный рост в тяжелой золоченой раме с двумя античными скульптурами воинов, возвышающимися, словно верные поклонники, вокруг хозяйки, призывали смотреть с открытым ртом. Лакей провел нас в небольшую комнату, удивительно уютную и обставленную со вкусом. Темно-зеленая бархатная мебель, гармонирующая с мягкими пуфиками, под цвет портьер и гардин; пол с пушистым ковром, угловой диван и массивный шандал на дюжину свечей.

Хозяйка явилась в длинном голубом шелковом платье с красными бантами, держа в руках веер и играя им таким образом, что определить с одного взгляда количество колец и перстней было бы невозможно. В ушах у нее сверкали два брильянта, – карата по полтора каждый, – а запястье украшал гранатовый браслет.

– Что вам угодно? – ангельским голоском спросила она.

Баронесса была неотразима и элегантна, как тонкий фарфор. Все в ней было божественно: гармония, благоухание, походка, блеск! Она была поистине нимфа, до того прекрасная, что хотелось сыпать комплимент за комплиментом, пока не познакомился поближе. Есть такой тип женщин, про которых говорят: маленькая собачка до старости щенок; Анастасия Казимировна сочетала в себе, несмотря на шестерых детей, некую миниатюрность, правильные черты лица и ярко выраженную беспардонность, другого слова я не смог подобрать. Хозяйка дома привыкла к власти, как к удобной одежде, и совершенно не находила нужным это скрывать. К тому же я лишился четырех сотен рублей, ушедших сиротам, нуждающимся в помощи после наводнения одна тысяча семьсот девяносто третьего года. Пожертвование давало зеленый свет на оформление нужных мне документов, и если возникнут какие-либо затруднения, то Анастасия Казимировна непременно пожалуется папочке, почетному опекуну фонда[5], и тот разотрет всех в порошок, а дабы уважаемые люди могли заниматься своими делами, через пару недель их навестит стряпчий, который все и привезет. Хотели быстро и без проблем – получите. Потрясающий сервис, оставляющий широченное поле для коррупционного маневра. Приедет стряпчий и скажет, мол, бумажки нужной нигде нет и найти никак. И что делать? Бежать к Казимировне? Конечно, проще «сунуть на лапу» на месте. Еще можно придушить стряпчего в подвале за излишнюю инициативу. В общем, кабы мне не нужен был весь этот балаган, в гости к Путилинским я бы в жизнь не поехал.

– Зря вы рубль той дуре дали, – сокрушался Генрих Вальдемарович, когда мы возвращались обратно, – чай, не в столице. Ей и полуполтинника за глаза хватило бы. Глядишь, и обошлись бы меньшей тратой.

– Не было у меня с собой четвертака. Вообще разменной монеты не осталось. Генрих Вальдемарович, а где тут мелочью разжиться можно? Ни в одном трактире сдачу получить невозможно.

– Только у ростовщиков, – серьезным тоном произнес Есипович. – Есть в Смоленске две-три конторы. Выгоднее всего в «анфилатовскую» обращаться. За рубль ассигнациями пятьдесят шесть копеек серебром получить можно[6]. Слышал я, финансовое учреждение у нас скоро откроют, может, тогда и не будут драть половину. А пока только так.

– Проблема-то в том, – глубоко вздохнув, произнес я, – что билеты у меня в основном иностранные.

---

[5] Почетный опекун – гражданское почетное звание в Российской империи, установленное в 1797 году, для награждения им членов опекунских советов (органов, ведавших благотворительными учреждениями). Часто звание почетного опекуна давалось за крупные пожертвования на благотворительные цели. Оно являлось своего рода частным титулом и наградой, не относясь формально к каким-либо классам Табели о рангах.

[6] В начале 1810 года обмен ассигнаций на серебро составлял 2 к 1, а в июле 1810 года – за рубль ассигнациями давали уже 33 копейки, в декабре 1810 года – не более 25 копеек серебром.

– Даже не знаю, что и посоветовать, – лицо Генриха Вальдемаровича приняло задумчивое выражение. – Только в Петербург. Впрочем, есть у меня один знакомец, еще с прежних времен. Хотя он все больше скупкой промышлял, но думаю, вашу проблему он решить в состоянии.

– Представите меня?

– Боюсь, общаться вам с ним станет неприятно.

– Ваш знакомец еврей, что ли?

– Упаси господь с ними связываться, без портов остаться можно. Хотя, пожалуй, этот сам их без исподнего выставит. Щепочкин его фамилия. Поручик Павел Щепочкин. В Юхновском уезде у него самая крупная мануфактура, да и во всей губернии, наверно.

– Мануфактурщик – это хорошо, – произнес я. – Когда сможете устроить встречу?

– Вообще-то, Щепочкин – друг Елизаветы Петровны, и я с ним не общаюсь.

– Ревнуете к мутер?

– Я? – возмутился он. – К теще? Да если б не ее…

– Генрих Вальдемарович, извините. Переведем разговор в другую плоскость. Можно ли попросить Елизавету Петровну посодействовать? Или даже уговорить съездить к этому Щепочкину. Я в долгу не останусь. Все расходы за мой счет. Сами видите, обстоятельства сложились ни к черту. А если вспомнить о паршивых урожаях за последние годы, то дела в именье, как мне кажется, хуже некуда.

– Ах, мой друг. Дела в вашем именье и вправду печальны. Одних крупных долгов на шесть тысяч, а сколько по мелочи набралось, так и не знает никто.

«Ух ты, – подумал я, – для Генриха Вальдемаровича я уже друг и именье, которое еще не оформлено как следует, мое. Это радует, однако что-то сумма долга высока. Надо выяснить».

– Как на шесть? – с испугом произнес я.

– Сашка. Пристрастился к картам негодник, моего чуть не вплел. Назанимал у него.

– Проклятье! Я предполагал немного иное.

– Такова жизнь: мы предполагаем, а Бог располагает. Я вот что думаю: а не выкупить ли вам у Щепочкина Грядненскую полотняную фабрику за ваши английские билеты. А мы уж потом как-нибудь разберемся.

«Всенепременно, Генрих Вальдемарович. – размышлял я. – За болвана меня держишь? Картежник Сашка назанимал, а тут такой прекрасный случай вернуть невозвратный долг. Но так говорить мне нельзя. Буквально через неделю необеспеченные ассигнации рухнут, и вскоре менять их на серебро по курсу три к одному станет за счастье. К тому же буквально в спину дышит фактор «дубликата». Бумага через год-полтора начнет расползаться, и избавиться от фунтов и франков нужно таким образом, чтоб никто не смог предъявить претензий. В идеале, если они окажутся за пределами России, я был бы доволен».

В течение всей дороги до Борисовки, штабс-капитан рассказывал о мануфактуре. Приводил какие-то цифры, высказывал пожелания и всячески склонял меня к принятию положительного решения. При всем при этом Генрих честно указал на отсутствие нужного оборудования по переработке конопли. Предупредил об износе станов и слабой квалификации работников. А уже после того, как мы стали проезжать узнаваемые мной по киносъемке дома, выдал фразу:

– Авдотья Никитична после похорон супруга в мирской жизни разочаровалась и в монастырь собралась. Так мне теща сказала. Я сначала сам схожу, предупрежу, а уж потом и вы, мой друг. Только умоляю, не говорите про Сашку плохого. Наверно, это единственная ниточка, которая держит ее здесь. Пусть грех с купчей ляжет на Леонтия Николаевича, царство ему небесное.

Описывать сложившуюся обстановку в доме как гнетущую, вынимающую всю душу и заставляющую глаза наливаться влагой от безысходности, я не стану. Ибо было еще хуже. Грязь и запустение, ощущение смерти и дикий холод, запах давно не мытого тела и чувство наступающего голода. Авдотья Никитична сидела на только что прибранной кровати и смотрела

абсолютно пустыми, без единого оттенка разума, глазами. На исхудавшее лицо иногда садилась мерзкая муха, но тут же улетала, обидевшись, что время еще не пришло. Капитан стоял у стола, с деревянным ковшиком с водой и нервно покусывал губу, дергая усом. Возле него, сжавшись, сидела девочка с испуганным взглядом, удерживая в руках корягу-костыль.

– Здравствуйте, тетя, – на большее у меня не хватило сил. Словно от пропасти отпрянул и пару мгновений нужно отдышаться.

– Это Алеша, ваш племянник, – спохватился Генрих, – приехал из-заграницы. Я, пожалуй, на двор схожу, надо бы печь растопить.

Я присел на корточки перед женщиной, взял ее иссушенные ладони в свои, подул на них, поцеловал и произнес:

– С сегодняшнего дня все станет иначе. Все будет хорошо. – И увидел, как потекла капля слезинки из наливающихся синевой глаз.

Колотых дров в поленнице конечно же не было. Тимофей отыскал охапку щепы и теперь высматривал клин, чтоб расколоть чудом сохранившиеся сучковатые горбыли.

– Генрих Вальдемарович, – сказал я, подойдя. – Похоже, мне снова потребуется ваша помощь.

– Конечно, – твердо произнес он. – Все, что в моих силах.

– Нужен врач, как его?..

– Франц, – подсказал Есипович.

– Да, именно он. Далее, – стал перечислять я, – потребуется женщина, которая станет ухаживать за тетей, работник во двор, стряпуха, завхоз, то есть управляющий. Необходимо купить продукты, дрова, даже одежду для Авдотьи Никитичной и той мелкой, с костылем. Сено нужно, зерна много. Я не знаю, есть ли тут какая живность, но это уже поутру стану решать. Тут, за что ни возьмись – все нужно срочно. Двести рублей, думаю, хватит, – держите. Если необходимо, воспользуйтесь каретой, сегодня мне она уж точно не понадобится. Я, как вы понимаете, останусь здесь.

– Я вас понял, – сказал Генрих Вальдемарович, жестом отказываясь от денег. – В Абраменках, по соседству, живет вольный хлебопашец Семечкин. Это бывший управляющий именьем. Добрый хозяин. Я заеду к нему и скажу, чтобы направил людей, дрова и продукты. Он только обрадуется, что именье не пропадет. Франц на ночь не поедет, но я по приезду пошлю Тимофея, а он с утра его и привезет. Теперь мой совет: готового платья на Авдотью Никитичну не надо, у нее целый шкаф. У пигалицы с костылем, что надеть наверняка есть, просто в таком виде ее жалко всем, она и рада ничего не делать.

– Тогда последняя просьба. Как только вы вернетесь к себе, пожалуйста, первым делом перенесите мой сундук в арсенал. Есть у меня подозрение, что Смит где-то рядом.

– Опять вы за свое? Я вот что скажу: зря сомневаетесь в Полушкине, он лучший егерь в губернии. После выступления шляхтичей многие на каторгу угодили, а как француз в силу вошел, многие и побежали с нее. Так через наш уезд уже года три как никто не бежит. Но чтоб вам спокойно стало, я исполню просьбу.

Едва карета скрылась из виду, мне вновь пришлось переступать порог дома, и первым делом я осмотрел девицу с костылем. Небольшая отечность в районе лодыжки и незначительные болевые ощущения при нажатии. Слава богу, не перелом и не острая форма растяжения. Хотя, увидев на мне пыльник до пят, ружье с патронташем и сумку с красным крестом, пострадавшая от испуга готова была и станцевать.

– Звать как? – наматывая эластичный бинт на лодыжку, спросил я.

– Руська.

– Маруся… Красивое имя, отзывчивая значит. Авдотья Никитична давно не ела?

– Три дня как, – ответила девочка.

– А сама?

– И я три дня.

– Позавчера куда с больной ногой ходила?

С испугом посмотрев на меня, Маруся всхлипнула и тихо произнесла:

– В Абраменки, за едой. Всегда корку давали, а сейчас не дали. – И полились слезы.

«Да уж, – подумал я, – добрый хозяин Семечкин. Как это он под себя целую деревеньку подмял? Если он вольный хлебопашец, то освобождение от крепости получил лет пять назад или раньше. А если со всей деревней, то только за выкуп, а если нет, должны отрабатывать повинности. Но тут даже мужиков не видно. Ни одного. Что же произошло, если русский человек отказал в куске хлеба? И кому, девочке».

– Ты кроликов любишь? – пытаясь успокоить ребенка, спросил я. – Не кивай, я уже догадался. У меня припрятана пара, пушистые, толстые, уши большие, теплые. Клевер любят, крапиву. Я сейчас принесу, а ты пока за тетей присмотри. Договорились?

К контейнеру, укрытому маскировочной сетью с березовыми ветками, за время моего отсутствия и близко никто не подходил. Сигнальная леска цела, как и подготовленная ракета на случай вскрытия. Кролики что-то хрумкали в своей корзине, вода у них уже закончилась, морковок нет, а вот питательный корм ссыпался лишь наполовину. Уже не так стесненные в движениях, они явно предавались любимым занятиям. Умнички, плодитесь, ешьте, пейте и поклоняйтесь своему пророку Тому Остину, который заселил вами целый континент. От вас больше ничего не требуется. Что я сейчас заберу вместе с ними? Тюк со сменной одеждой и сапоги, банку с лекарствами, настоящие бульонные кубики и самое тяжелое – билеты с ассигнациями. Пачек тридцать, больше в рюкзак не влезет. Ах, да… огниво, печку же надо растопить.

Утром прояснились некоторые детали. На рассвете подъехала телега с продуктами, и вскоре кухня стала местом кулинарных таинств. Возможно, среди немалого количества дыма, вырывавшегося из дымохода печи, скользила мифическая муза Кулина, с любопытством приглядывавшаяся к готовке, оценивавшая количество крупы, соли, специй, приправ, масла, ставившая под сомнение простоту готовящегося блюда и безуспешно пытавшаяся запустить бестелесную руку под крышку кастрюли. А вот голодные мыши уж точно выглядывали из своих закутков, поднимались на задние лапки, принюхиваясь к кухонным ароматам и с нетерпением ожидали возможности поживиться.

Авдотья Никитична сумела немного поесть: вечером бульон, а с утра куриное яйцо. И, набравшись сил, поведала душещипательную историю. Ее слова звучали так, будто всеми помыслами и чаяньями она уже переступила могильную плиту, и лишь случай задерживает ее на земле, чуть дольше, чем она надеется. Если до сего дня я считал, что Сашка просто ушедший в пике картежник (и это самое настоящее проклятие для любой семьи), то теперь я узнал, что к этому горю предшествовал некий фактор. Аферистка с магическим шаром, не иначе как работающая в паре с карточным шулером-французом, нагадала юному офицеру выигрыш в «фараон» целого состояния. Итог не заставил себя ждать. Подпоручик проиграл всё. В сущности, подобные истории никогда не заканчиваются, и всегда находятся упрямцы, которые не хотят смириться с очевидной истиной. Сашка влез в долги, сделал еще одну ставку и пошел писать письмо родителям. Вопрос чести решали всем миром. Отец с матерью сделали все возможное, чтобы сын не стал лицемером перед Богом, людьми и самим собой. Что-то заняли у родственников, что-то у соседей, взяли даже у освобожденных крестьян, а оставшихся крепостных отправили в наем и, в конце концов, переписали на сына именье. Лишившись возможности выкупить земельный надел, Семечкин умолял не отдавать купчую и в итоге ушел. Продолжал ли играть Сашка дальше, мать не знала. Несколько раз просил выслать деньги, и приходилось передавать последние крохи. Некий призрачный шанс выкрутиться из кабалы был, но горе никогда не приходит одно. Случился неурожайный год. Хоть конопля и выросла в цене, но собрали ее мизер, и все планы погашения кредитов рухнули в один миг. Потом продали лошадей и в самом конце приносящую щенков породистую гончую, и все равно оста-

лись с долгами. Хорошо еще, что не все соседи настаивали вернуть занятое. Зимой Леонтий Николаевич слег и тихо умер во сне, так и не успев причаститься. Это и стало той причиной, по которой Авдотья Никитична принялась настраивать себя на постриг. Хозяйством с тех пор больше никто не занимался.

Узнав всю историю из первых уст, я упросил «тетю» написать Сашке письмо с просьбой приехать за своей долей дядиного наследства. Пусть это известие станет психологическим толчком, как ему, так и Авдотье Никитичне, которой положительные эмоции просто необходимы. И как только чернила подсохли, постарался разобраться в хитросплетениях хозяйственно-бытовой части усадьбы. Начнем с жилого фонда. Помещичий дом – это высокое деревянное строение Т-образного вида из двух срубов (пятистенок) по шестнадцать венцов каждый, восемь на шесть метров, соединенных выступающими по фронту метра на два сенями. Парадный вход через крыльцо с навесом и выход во двор через эти же самые сени с обратной стороны. По местным меркам – весьма солидный. Две печи: большая и малая. Крыша застелена дранкой, есть остекленные окна. Позади жилого здания конюшня, амбар, сенной сарай и маленькая псарня; все пустующее. Крестьянские избы гораздо проще. Что здесь, что в Абраменках. Два сруба по десять-двенадцать венцов, длиной и шириной до восьми аршин, стоят один позади другого и связываются между собой сплошным рядом бревен. В Борисовке их четыре, в соседней деревне – шесть. Курных нет, все топятся печью. Каждая изба располагает хозяйственными пристройками и огородом; где большим, где малым. Навскидку – крепкое, зажиточное хозяйство, которое никак не могло стоить прописанной в купчей суммы. Даже в этом Сашку надули. Тем не менее общее экономическое состояние – катастрофа, ибо все богатство меряется урожаем! Прибавить к этому, что со смертью хозяина пропал державший здесь все стержень и весь благопристойный вид, не более чем прочный задел прошлого; становится ясно – актив убыточный. О чем говорить, если что-то где-то росло, то только благодаря личной инициативе бывшего управляющего. Так что первым делом был отправлен посыльный к Семечкину, с просьбой собрать всех кредиторов. И пока утрясался вопрос с займами, Тихон привез доктора Франца. Повелитель клистира, пиявок и противно пахнущих порошков был известен как мастер своего дела. Еще в его бытность военным врачом многие видели его собирающим травы и цветки диких растений, выкапывающим корни и срывающим кору с деревьев, а вследствие этого воспринимали как человека, хорошо знакомого с полезными свойствами того, что непосвященным казалось бесполезным. Слышали, как он говорит о Самойловиче, Максимовиче-Амбодике, Зыбелине, Шумлянском и других знаменитых людях – чьи научные достижения в медицине и фармакопеи казались едва ли не сверхъестественными, – словно они были его знакомыми и состояли с ним в переписке. Доктор Франц был не стар, в теле его все еще чувствовалась мускулистая и гибкая ловкость эфеба, – результаты ежеутренних гимнастических упражнений. Многие, судя по свежести его лица, идеально белым, прямо-таки фарфоровым зубам, по веселости характера с искрометными шутками с философскими рассуждениями, и особенной крепости духа (зимой купался в проруби), не давали ему более тридцати пяти лет. Но глубокие морщины на открытом челе его, рано поседевшие волосы заставляли не без основания заключать, что доктор в каком-то смысле прожил гораздо дольше многих своих одногодок. Вместо живого, подвижного выражения, лицо его было подернуто тяжкой думой, наложившей странную и загадочную неподвижность на все черты одушевленного обличия. Светлые, горевшие силой воли и ледяной холодностью одновременно, глаза его как будто забыли привычный природный свой блеск и тускло устремлялись на какой-либо один предмет, мгновенно вспыхивая и тут же остывая, словно за миг познавали всю его сущность. Безупречно выбритый подбородок и мрачная тишина, заключенная в глубине его души, заразительно и властно действовала на все, что его окружало. Одним своим видом он говорил, что сказанное им – истина и возражений не потерпит.

Тут мне захотелось схватиться за голову. Эскулап настаивал на срочной госпитализации, так как подозревал у Авдотьи Никитичны желудочную чахотку и был сильно удивлен, узнав от нее истинную причину истощения. Впрочем, его осмотр Маруси и пришедших за деньгами крестьян оставил положительное мнение о профессиональных качествах врача. Диагнозы ставил быстро, лечение назначал четко, по-латыни писал неразборчиво. Каждый был чем-то болен. Даже маленькие дети, настоятельно призванные мной для профилактического осмотра с целью предотвращения эпидемий. Я бы тоже каждому поставил диагноз, если б платили по три рубля за осмотренную душу. Но доктор действительно указывал на недуг, и пусть в большинстве случаев это недоедание и авитаминоз, претензий не выставить. Зато рекламацию предъявляли мне, и как водится, с той стороны, откуда и предположить было невозможно. Леонтий Николаевич брал взаймы серебром, и принимать обратно ассигнациями крестьяне не хотели категорически, ни по какому обменному курсу. Договор есть договор. Сошлись на отсрочке до конца недели. «Раз все поедут на Вознесенскую ярмарку[7], – со слов Семечкина, – то барин в городе серебра наберет, а там и рассчитаемся». Закончилось все тем, что к трем по полудню я был приглашен на обед к штабс-капитану, где вечером нас всех ждал сюрприз.

[7] В Смоленске проходили две большие ярмарки. Одна в декабре, на базаре за Днепром – для промышленных товаров, а вторая на площади у Молоховских ворот – животноводческая (где позже были поставлены торговые ряды, а после склады). Называлась она Вознесенская и начиналась на сороковой день после Пасхи. Продолжалась четыре дня, и на второй день уже торговали всем подряд.

2. Порох и пули

Пахотная земля Поречского уезда, пусть и обильно вознаграждая земледельца, из-за своей небольшой площади заставляла поселян искать иные пути пропитания. Эта причина вкупе с другими факторами способствовала учреждению различных мануфактур и ремесленных предприятий, предшественников заводов. Плодились они с завидной регулярностью и так же скоро прекращали свое существование. Семьдесят лет назад прибыльным считалось производство поташа и стекла, потом переключились на лесопилки, смолокурни и бондарнечество, а сейчас популярно полотняное и канатное производство. Развивалось бы оно и дальше, как завещал государь Петр I, ведь кораблям необходимы паруса и такелаж, армиям – палатки, да мало ли что можно изготовить из пеньки… А вместе с ним рос валовый продукт и, как это ни странно прозвучит, благосостояние населения, не тех, кто снимает сливки, а огромной массы участвовавших в производстве работников и работниц: тех, кто без продыху горбатится при толчении, трепании и ческе пеньки; крестьянок, усаженных за прядение из нее пряжи; мылареи, отбеливающих ее в чанах; сновальщиков, мотальщиков, ткачей и, конечно же, аппретурщиц[8]. Так что обед у Есиповичей превратился в диспут на тему: как урвать на жизнь, и чтоб крестьянину не туго жилось. И даже извечный риторический для России вопрос: что делать? – не поднимался, так как являлся краеугольным камнем беседы. Из важного можно было вычленить согласие на поездку Елизаветы Петровны к своему другу. Как водится, дама затребовала к себе внимания, ведь Павлу Григорьевичу сорок три, а ей уже несколько больше, и то, что было десять лет назад, не обязательно повторится сейчас. К тому же появиться в старом платье не комильфо, а то и вовсе конфуз. Ведь все знают: разницу между уверенной в себе женщиной и дурнушкой определяет наряд по последней моде. Да и драгоценностей нет (с укором в сторону дочери). Вот если бы корсет «Corset a la Ninon» да из легкого шелка длинную, чуть книзу расширенную, с красиво расположенными складками «тунику», да еще разрезанную на боках и перехваченную под грудью поясом. Тогда да! Выслушал я ее, а так как сидела она по левую от меня руку, тихонечко на ухо шепнул сумму, которую собираюсь ей одолжить. Вот после этого Елизавета Петровна повела себя совсем иначе, отбросила весь спектакль в сторону, в один глоток допила вино и полностью сосредоточилась на деле. Десять лет назад, расширяя производство своего отца, Щепочкин в краткий период от одного до трех месяцев скупил около шестисот душ мужского пола в Медынском уезде. Действие понятно: поблизости фабрика, мощности, подготовленные специалисты. Но зачем он обратил свой взор на сотню верст на запад? Кроме полей конопли между Грядны и Борисовкой ничего нет, а значит, какой-то особой перспективы Павел Григорьевич не рассматривал. Скорее всего, просто каприз: была история с красивой женщиной, пусть помнит мою заботу, и я не забуду. А посему и сейчас найдет для нее время. Закончив чаепитие, мы вышли во двор, где пес с кошкой убегали от гуся. Францу расседлывали лошадь (он только приехал), а мы так увлеклись зрелищем, что заметили прибежавшего мальчика в тот момент, когда он чуть не уткнулся в Генриха Вальдемаровича.

– Дядя Генрих! Папку убили! Скорее…

До дома в Васелинках мы добрались, словно на крыльях. Разгоряченные лошади еще топтались и пытались выровнять дыхание, а мы с Генрихом и Францем уже забегали в распахнутые ворота. Пес, не пускавший чужих на порог, в этот раз сидел смирно, и лишь когда прошел Тимофей с Ваней, жалобно заскулил. Иван Иванович лежал на кровати, застланной желтым ковром, с тряпкой на голове, в одних кальсонах, а возле него хлопотала маленькая

[8] Специалистка (обычно женщина) по обработке ткани специальным крахмальным или химическим раствором (аппретом), в результате которой ткань приобретает повышенную износоустойчивость, мало- или безусадочность, несминаемость, водоотталкиваемость, а также становится равномерной по ширине.

темноволосая женщина явно восточной внешности. Сидевший на табурете до нашего прихода широкоплечий мужчина в крестьянской одежде встал и, отодвинувшись в сторонку, обращаясь к Генриху Вальдемаровичу, произнес:

– Вот, ваше благородие, таким и нашли.

– В смысле голым? – уточнил Есипович.

– Истинно так, – подтвердил мужик, – в одних портах с язвой на темечке.

Тут стоит отметить, что в девятнадцатом столетии, глагол «убили» не совсем означал насильственную смерть. Убить могли, причинив существенный вред здоровью, лишить сознания и просто сильно ударить. А вот словосочетание убить до смерти, означало уже конец жизненного пути.

Франц осмотрел лежащего без сознания Полушкина и выдал вердикт:

– Ударили чем-то тяжелым и одновременно мягким. Кожный покров не поврежден.

– Платок с песком, – после некоторого размышления сказал Генрих. – Когда скрасть кого тихо надо, первое средство. В суконку песочек, бечевочкой затянуть и на палку, как кистень. Турок и пикнуть не успевал, даже феска не слетала.

Вечером Иван Иванович пришел в себя, а уже с утра смог поведать, что же произошло, и это не очень понравилось всем присутствующим. Сыском беглых Полушкин стал заниматься чуть ли ни с момента поселения. Крепостных у него не было, доходного дела тоже, и все, что он умел, в мирной жизни применить оказалось невозможно. Поначалу стал заниматься охотой, да так успешно, что извел всех волков, терроризирующих окрестные леса не одно столетие. Количество хвостов шло на сотни, пока в какой-то момент эти хищники ему приглянулись, и во дворе появился щенок по кличке Серый. С этих пор отставной поручик стал внимательнее прислушиваться к рассказам помещиков, от которых бежали крепостные. А спустя пару лет весь уезд знал, к кому надо обращаться. Крепкой памятью запомнили Полушкина и ссыльные шляхтичи, за поимку которых платила уже казна. Секрет же удач заключался в том, что перед любым делом Полушкин занимался анализом и сбором информации. То есть прекрасно представлял возможные маршруты беглых и, как приобретенный бонус – неплохо ориентировался в лесу, но все это не составляло и четверти успеха. Основа заключалась в сети осведомителей. В каждом населенном пункте, через который мог пройти объявленный в розыск, находился человек, часто бывший солдат, который сообщал о подозрительных личностях. Так что когда я обсуждал сроки, Иван Иванович только подсчитывал, какие деревни он успеет посетить.

– Кто бы мог подумать? – сокрушался Иван Иванович. – Федот одноногий… И как я просчитаться-то смог? Я ж сразу просек, как портрет ему показал. Сбледнул лицом иуда, взопрел. И видел же сукин-сын… За тридцать серебряников продался… Смит ваш у него прятался. Хитрый, зараза, ловко схоронился. Тит меня у околицы с лошадьми ждал, а как понял, что нет меня долго, так шукать. В общем, всю одежку содрали и двадцать пять рублей ваших прихватили. Подвел я вас, не послушал.

«И как сие понимать, – задал я себе вопрос, – вымышленный Смит появился на самом деле»?

– То есть, – зло проронил Есипович, – у них день перед нами в запасе?

– Не, Генрих Вальдемарович. С концами. У Федота лошади и он мою систему знает. Они уже на пути к Орше, и даже черт их не остановит.

– Схожу-ка во двор, – сказал я, поняв, что ничего интересного больше не услышу.

Как только я покинул комнату, штабс-капитан наклонился к уху Иван Ивановича и что-то тихо спросил.

* * *

разговор, который я не мог слышать

– Что в портмоне было-то?

– А хрен его знает. Мы с Федотом всю баньку обыскали, под каждым углом землю простучали. Ни котомки, ни дряни этой желтой, ничего. Топор и тесак у меня.

– Как так получилось?

– Зарезал я Смита. Мы когда в баньке вязать его стали, Федот деревяшкой своей зацепился, и гад этот вывернулся. Заорал что-то не по-нашему и кистенем меня. Хорошо, шапка баранья на голове была. А у меня рука сама пошла, как учили.

– Плохо учили, раз простых дел сполнить не можешь. Подрезать – да, насмерть-то зачем? Стареешь, Иван Иванович. По следам хоть прошлись?

– А как же. Тит пробежался до последней лежки. Даже в дупло лазал. Я что думаю, ведь не просто так Смит бежал именно в тот день. Может, передать ухищенное кому успел?

– Может, и успел. Тут же каждый гувернер картавый носом водит. И не факт, что портмоне в ночь побега выкрали. Федота хоть оставил за банькой наблюдать?

– Обижаете… Если что, внучок его вмиг весточку принесет.

– Ладно, будем надеяться на лучшее.

– Генрих Вальдемарович, а сам как думаешь, что там было?

– То, Иван Иванович, не твоего ума дело. Ты лучше, с оказией, попроси из ружья нашего гостя пострелять. Все, шаги слышу.

* * *

В день открытия проходящая на поле возле Молоховских ворот ежегодная Вознесенская ярмарка самих горожан столицы губернии не сильно интересовала. Позиционировалась она как животноводческая и оптовая. Со всех уездов в Смоленск съезжались приказчики, управляющие, представители помещичьих крестьян, вольные землепашцы и даже выбранные от государевых крестьян. Сделки совершали разнообразные: и поставочный фьючерс чуть ли не до новой ярмарки, и бронирование, и бартерные, и просто купля-продажа, когда, соглашаясь с условиями, били по рукам и кидали шапку. Сюда пригоняли рогатый скот, лошадей, овец иногда птицу. Привозили образцы сена, которые тут же уходили в городские конюшни, зерно, крымскую соль, семена и уже практически на второй-третий день, сразу после гусиных боев, начиналась торговля всем подряд. С этого момента тридцатипятитысячное население города проявляло активность. Сукна, шелк, шерсть, мягкая рухлядь, холщовые и бумажные товары выставлялись с правой стороны на сколоченных тут же прилавках. Посуда и кожи, масло, воск, рыба и прочие, вплоть до сахара и табака, слева от ворот. В целом присутствовали все три категории товаров: русские, азиатские и заграничные. Посмотреть было на что.

Выехали мы почти в ночь, на самой-самой заре и пика столпотворения повозок, телег и просто передвигавшихся верхом ловко избежали. А буквально спустя час, не особо прислушиваясь, можно было оценить весь коллапс людского водоворота из дома штабс-капитана Пятницкого, любезно приютившего нас. Глава семейства Есиповичей тут же отбыл инспектировать строительство своего дома, а мы остались обустраиваться. И где-то между девятью и десятью часами, когда дворники закончили вычищать улицы, вновь не испытывая затруднений, принялись методично опустошать нужные нам торговые учреждения. В первую очередь, как ни странно, не ссудные конторы, которых здесь перевалило за дюжину, а шляпные мастерские. Приданная мне (или, наоборот, я ей) Елизавета Петровна прекрасно ориентировалась в городе, и мой план генерального межевания можно было засунуть в известное место. План не соответствовал действительности. Так что сидя в карете, она давала Тимофею четкие указания: где «направо», а где «езжай прямо до самого конца», иногда «держись левее от оврага, там, через ручей будет деревце – остановись». Следуя какому-то дьявольскому плану, мы посетили три заведения в разных концах города. Двигались хаотично, и только удовлетворившись парой

высоких коробок из шляпной мастерской Морица, добрались до конторы с надписью на табличке под козырьком двухэтажного доходного дома: «Купеческая контора Анфилатова».

Выбеленный известью фасад с огромной дверью, обитой множеством гвоздей, как, видимо, должен был внушать доверие. С ходу отклонив предложение ссуды под двадцать два процента и сниженную ставку в девять с половиной при залоге, я объяснил суть моего посещения и тут же был препровожден в отдельную комнатку-кабинет. Общение с представителем ростовщического бизнеса вышло недолгим, но весьма плодотворным и выгодным для обеих сторон. Человек средних лет, скорее малорослый, чем высокий, с еще довольно свежим, но бледным лицом, которое если и меняло свое меланхолическое выражение, то лишь ради беглой улыбки, поровну горестной и медоточивой; черные сальные волосы, мечтательно-отсутствующий взгляд; речь, не чуждая известной утонченности и деликатности; движения и жесты, каких не встретишь среди ростовщического люда, и обыкновение говорить до крайности медленно и затрудненно, растягивая слова, особенно когда разговор заходил о деньгах. Взгляд его из-под черных сдвинутых бровей становился нестерпимо сверлящим, стоило ему нахмуриться, и тут же возвращался к первичному состоянию. Скользкий тип.

Конечно, курс в сорок три копейки серебром за рублевую ассигнацию мне не очень понравился, зато бумажки прошли при мне тщательную проверку. Слюнявились выполненные чернилами подписи, сверялись номера и даже заносились в журнал учета принятые купюры. В кассе на руки я смог получить всего пятьдесят шесть десятирублевых и девяносто семь пятирублевых золотых монет и около шестисот восьмидесяти серебряных рублей с мелочью. Опустошив закрома и приняв обещание набирать нужную сумму на время ярмарки под обеспечение ассигнаций, мы закрыли сделку. А с фунтами вышел полный конфуз. Они просто не котировались в Смоленской губернии. Меня аж гордость на некоторое время обуяла, вспоминая «обменники» в суровые годы. Существовало, правда, исключение, но для этого необходимо было посетить Санкт-Петербург. Банкноты менялись на золотые голландские гульдены местной (российской) чеканки с известным дисконтом, и все это сопрягалось огромными сложностями. Червонцы-то чеканились незаконно, и обмен осуществлялся под патронажем ряда чиновников. Например, одного известного господина, курировавшего в свое время финансовое обеспечение Средиземноморской эскадры Сенявина. То есть за вход надо платить. Был подсказан еще один вариант и все благодаря тому, что управляющий смоленской конторы этой зимой приехал сюда из Северной Пальмиры и был в курсе некоторых сделок. Обратить валюту можно было самым обычным способом – купить товар у английских купцов и, уже реализовав здесь, получить назад свои деньги. Но успех сей многоходовой операции опять-таки зависел от коррупционеров и наличия русского товара для вывоза. К тому же приходилось помнить о действующем запрете на торговлю с Англией, и контрабандный груз мог просто не дойти до получателя по вполне понятным причинам – шла война. Тут уж каждый решает сам, и если интерес проявится, то следующий разговор придется вести не здесь и не с управляющим конторы, так как серьезные вопросы решаются людьми несколько другой компетенции. А пока частотой сделок станем повышать уровень доверия. В общем, встретиться мы договорились спустя два дня.

Тем временем Елизавета Петровна занималась примеркой перчаток и прочих модных аксессуаров. Не скажу, что скрепя сердце, но с некоторым осадком мне пришлось выложить пару ассигнаций. Два с полтиной за прекрасную кожу, определенно gants glacés[9], – не в счет, я и себе прикупил несколько пар и даже сдачу необходимыми копейками получил. Возмутила цена на шарфик и кружево: двенадцать рублей за кусок шелковой ткани и тридцать пять за аршинную полоску в две ладони шириной. Более того, с каждым проведенным здесь днем, адаптируясь к местным реалиям, я начинал осознавать, насколько нелепыми были мои первоначальные

[9] Gants glacés (*фр.*) – Лайковые перчатки.

траты. Рубль здесь серьезные деньги, и если дома я на сотенную куплю лишь бутылку боржоми, то тут целую цистерну. То-то Генрих возмущался благотворительным взносом мадам Пулинской. Вот вернусь назад, а там водка по двести рублей, так и возникает когнитивный диссонанс. Заметив перемену в моем настроении, Елизавета Петровна предложила навестить оружейную мастерскую, при которой есть лавка, где ее зять если и не почетный, то частый клиент и Тимофей знает туда дорогу. Отчего не согласиться? Приехали, посмотрели и отправились на ярмарку. После экскурсии по оружейной комнате Есиповича смотреть откровенно было не на что. Впрочем, вру, было два экземпляра, заставивших меня замереть на минуту. Один из них – рогатина на медведя. Между прочим, оружие среди охотников востребованное и, что интересно, стоило как дамский шарфик. И второй – охотничий аркебуз, со стальными дугами и тросиком. Цена, как ни дико прозвучит, дороже пехотного кремневого ружья раза в три.

– Зря я посоветовала зайти в это «Марсово поле», – заметила, Елизавета Петровна, – хотя Генрих отзывался о вас как о почитателе оружия, я вижу, как вы скучаете.

– Отчего ж зря? Было любопытно окунуться в старину, не хватало только лука со стрелами.

– А у вас, в Калькутте, иначе?

– Конечно, иначе. Воины раджи до сих пор со щитами и саблями и есть кавалерия на слонах.

– Как интересно, – обмахнув себя веером, томно произнесла Елизавета Петровна, – никогда не видела слона. Наверно, это очень волнительно…

– Да, это незабываемо. Я вам как-нибудь картинки покажу.

– Вы такой проказник, – подвигаясь ко мне, – хотите меня картинками заинтересовать, а если я соглашусь?

«Ого! Как там его, Табуреткин, Деревяшкин, а, Щепочкин. Как я его понимаю, – подумал я. – Елизавета Петровна это «пушка Дора», ни одна крепость не устоит».

– К сожалению, – меняю тему разговора, – самые важные и красивые картинки сейчас где-то по направлению к Орше.

– Знаете, – произнесла моя собеседница, положив свою руку на мою, – за день перед вашим появлением я молилась. Просила заступничества. Именно поэтому вам повезло, и ваш слуга сбежал, не исполнив самого плохого. Иван Иванович чувствует опасность, как зверь. И если этот Смит сумел его обмануть, то он много хуже зверя.

– Ни капли не сомневаюсь в этом, – немного задумавшись, ответил я. – Елизавета Петровна, насколько я понимаю, мы уже возле Молоховских ворот, как вы смотрите на то, чтобы пройтись по торговым рядам? – и обращаясь к Тимофею:

– Тимофей, посоветуй: нам сразу носильщиков нанять, или торговый люд сам покупки в дом штабс-капитана Пятницкого доставит?

– Лучше нанять, вашблагородие… ярмарка! Люд собрался разный и всякий. – И припарковавшись, тихо добавил: – Даже каторжане.

– Тогда смотри, чтоб к карете никто не подходил.

Мы остановились на импровизированной площадке напротив трактира, где под тенью деревьев стояли штук шесть тарантасов с несколькими бричками, а ближайшая к нам (по-моему, «кукушка») начинала отъезжать. Так что предупреждение излишне, сейф с монетами без большого шума не вырвать, утащить только вместе с ландо, а тут смоляне к разбойникам относятся без жалости; намять бока – это как в мое время просто пожурить. А если учесть, что каждый кучер управляется с кнутом не хуже, чем пятиборец с рапирой, и друг за дружку из профессиональной солидарности вступятся, не задумываясь, то попасться татю на краже – равнозначно остаться калекой. Вообще, за безопасностью горожан местные власти следили строго. В местах больших скоплений народа несли службу наделенные властью люди, обычно это дворники. Они же, по согласованию с городским старостой, блюли порядок и на самой

ярмарке. Отвечала за всю систему мероприятий обер-комендантская канцелярия во главе с полицмейстером, и в случае какого-либо курьеза стоило обращаться в Управу благочиния (так она называлась с 1782 года) или к частным приставам. А там как получится: кому в Совестный суд, а кому дальше по инстанции. В принципе, структура городского МВД несла множество функций: начиная от обеспечения тишины и спокойствия, пожарного надзора, присмотра за постоялыми дворами и трактирами и заканчивая исполнением судебных решений и следственно-оперативными мероприятиями. Насколько слаженно и успешно все это действовало, судить не берусь, вопрос риторический. Лишь предположу, что все хорошо, пока несчастье не коснется тебя лично. А уж тогда и процент раскрываемости преступлений и потушенных пожаров, и прочих вещей становится не интересным, ибо, как водится, твое личное горе в этот процент не попало.

Решая свои насущные вопросы, мы задержались в городе еще на три дня, и все благодаря Анастасии Казимировне. Баронесса изволила посетить ателье «Парижское платье» Павла Петровича Головкина, где повстречалась с Елизаветой Петровной на примерке нарядов. Модный в то время стиль ампир сократил количество рабочих часов швей раз в шесть-семь, и если дамский наряд времен Екатерины шили от трех недель и до победного конца, то теперь готовое платье по фигуре можно было получить меньше чем за четыре дня. Полностью поддерживаю это направление моды, по крайней мере, хоть что-то видно, что скрывается под плавными линиями ниспадающей материи. Дамы не были подружками, но общую тему для разговора нашли быстро, а вскоре вспомнили о госте из Калькутты. Итогом этой беседы и моих регулярных наскоков к ростовщику стала договоренность об обязательном посещении двух приемов, один из которых должен был состояться у гражданского губернатора, а второй – у купца третьей гильдии Иллариона Федоровича Малкина. Причем на визите к Малкину чуть ли не в обязательном порядке настаивал управляющий из конторы Анфилатова.

Посещение главы столицы губернии происходило под девизом: скука – спутница однообразия. Это читалось на лицах завсегдатаев и впервые приглашенных гостей вплоть до общего застолья. Разбавленные первыми тостами шутки стали искрометными, и вскоре за столом образовались группы, ведущие беседы на интересующие их темы. И, о боже, все снова погрузилось в скуку, по крайней мере, для меня. Я не участвовал в бою под Прейсш-Эйлалу, Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде и других сражениях, через которые прошли многие офицеры; не присутствовал на свадьбах, похоронах, крещении, – нужное подчеркнуть. Тут был свой мир, который по праву можно назвать образованным и духовно взвешенным, но все равно остававшийся провинциальным. Некоторые компании общались исключительно по-французски, кто-то только использовал выражения языка Вольтера, вставляя их совершенно спонтанно, находились и те, кто мешал польскую речь с русской. Одно их все же объединяло: обращаясь друг к другу, они говорили не господин, мистер, сэр, а только месье. Опять-таки, мода. Мне даже Пушкина не надо перефразировать, дабы описать происходящее – поменять только имя.

Пирует с дружиною губернский Глава
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана…
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они…

Сколько меня разделяет с этими людьми? Чуть больше двухсот лет. А какие мы разные – другая эпоха. Казимиру Ивановичу меня так и не представили, как Есипович ни старался, ничего у него не вышло. Не сидеть же, извините, в засаде под туалетом, чтобы поручкаться. Губернатор чеканным шагом прошествовал через середину продолговатого зала,

радуясь волне самодовольствия, разглядывая лица и прислушиваясь к звонким именам тех, с кем ему посчастливилось свести дружбу за годы службы в губернии. Естественно, меня среди них не было. Однако была и польза: первый шаг по вхождению в великосветское общество тунеядцев и редких представителей этого болота, для которых честь, справедливость и служба отчизне превыше всего, был сделан. Меня увидели, выслушали, взвесили и признали ограниченно годным. То есть открытием и звездой начала летних приемов я не стал, да и не старался; скандалов не устраивал, громких поступков не совершал, состояний в карты не проигрывал и, когда тихо удалился, никто и не заметил.

А на следующий день мне доставили документы. Анастасия Казимировна свое слово сдержала. Немудрено, при таком-то папе. Прав был Писемский, когда говорил: «Нам решительно все равно, кто царствует во Франции – Филипп или Наполеон, английскую королеву хоть замуж выдавайте за турецкого султана, только чтоб рекрутского набора не было. Но зато очень чувствительно и близко нашему сердцу, кто нами заведывает, кто губернатор наш…». А ведь Казимир Иванович Аш не черствый человек, не какой-нибудь сухарь Диоген в строгом мундире, удалившийся в бочку своего эгоизма. В нем есть человеческое стремление любить себе подобных и делать им добро. Закавыка только в том, кого он считает себе подобным? Все его существование, таким образом, характеризуется комфортной для любого чиновника в любом времени фразой: представлять собой покой, разграфленный по статьям. Аш являл собою подходящее лекарство для докторских нервов – он дерзко и громогласно выражал убежденность, что мир во все времена ведет себя в точности так, как он и предсказывал; а если переубедить собеседника не удавалось, делался саркастичен. Ничто его без особых причин не беспокоит, ничто его не заботит, и это идеально. Для него весь мир составляется из двух величин: его самого и государства, которое исправно дает ему жалованье. Поэтому мир совершенен и жизнь совершенна, пока губернатор, благодаря заботам и подношениями просителей, сохраняет аппетит и здоровье, и пока государство продолжает аккуратно оплачивать его службу. Впрочем, немного и надо, чтобы удовлетворить те доли души и тела, из которых, по всей видимости, состоит его существо. Потребность общения с себе подобными (ведь и бараны общаются между собой) ему практически не нужна. В конце мая, развертывая письмо с очередным посланием и улыбаясь, он говорит: «Вот и Вознесение Господне!» Все соглашаются, и барон доволен и про письмо с неприятностями забыли. В середине ноября он бормочет, посматривая на глянец сапог: «Вот и Рождественский пост на носу!» Если подчиненный чиновник по своему скудоумию с этим не согласен, и сообщает о намечающемся недороде в губернии, и голоде, грозящем превратить зиму в один сплошной пост, Аш замолкает, потому что не любит пререканий. И этого почтенного чередования двух мыслей ему вполне достаточно. Лишь бы подавали вкусную баранью котлету, тем более по две порции, – и он вполне доволен жизнью и готов воздать хвалу богу и императору. Однако Бог им судья, этим губернаторам. Меня заинтересовал документ.

> «Грамота Смоленского дворянского собрания о дворянстве Борисовых выдана 11 декабря 1809 года. От Губернского Предводителя Дворянства уездных дворянских Депутатов, собранных для составления дворянской родословной книги, данная дворянам: майору Николаю Андреевичу и его сыну Алексею Николаевичу Борисовым, штабс-капитану Леонтию Николаевичу и его сыну поручику Александру Леонтьевичу Борисовым».

Дальше шел текст, на основании чего была состряпана грамота, и имена лиц, его подписавших. В конце присутствовала казенная печать уездного суда и подпись секретаря губернского регистратора. Судя по всему, бланк был с прошлогоднего заседания, а имена вписаны недавно. Главное, печать и подписи настоящие. Следующий документ являлся копией грамоты, также заверенной печатью. Третий отражал право собственности, а последний – по-моему,

самый важный – сообщал о положенных налоговых отчислениях с рекомендацией стряпчего взяться за ведение дела. Деятеля на заметку, тут без вопросов. Работа мне понравилась, а юрист при моих задумках просто необходим.

Прием у Иллариона Федоровича не отличался размахом и знатностью гостей. Вечер проводился в его загородном доме, с оркестром, танцами и салютом. Конечно, было и застолье, но перед этим мероприятием несколько человек собрались в отдельной комнате, куда пригласили и меня. Малкин провел меня в полутемное помещение, постучался (в своем доме) и после ответа: «Можно» мы зашли. Спустя четверть часа, на втором этаже флигеля, откуда из широкого окна, сейчас плотно закрытого ставнями, наверняка прекрасно просматривался Днепр, пять купцов пытались переварить необычное для себя предложение. То, что все они числились лишь в третьей гильдии, ровным счетом ничего не говорило. Конечно, до мультимиллионеров они по своему состоянию не дотягивали, но при желании легко могли перейти во вторую. Только надо ли было выпячивать нажитое богатство и платить дополнительные налоги? Ни в коем случае, ибо большая часть их бизнеса была построена на контрабандных товарах. А та, официальная, воплощенная в ремесленных лавках, швейных, оружейных, и скорняжных мастерских, как раз и тянула на четыреста тридцать восемь рублей, выплаченных по Закону. Одним словом, люди эти были жадные и совсем не публичные. Мало того, они даже по именам себя не называли. Так и обращались друг к дружке: Сова, Змей, Еж, Лис и Барсук.

– Хоть убейте, не пойму! Вам какая выгода? – спрашивал у меня Змей, с трепетом посматривая на листок со слишком узнаваемой печатью.

– Я же не интересуюсь вашей, – сухо ответил я.

– Но все же… Четыреста тысяч фунтов, как-никак почти три с хвостиком миллиона рубликов[10], – вставил слово Лис.

– Про два процента страховых не забывайте, – уточнил Барсук.

– Я уже подсчитал с процентами, – махнув ладонью в сторону счетовода, ответил Лис.

– Можем не потянуть, – вслух размышлял Еж. – За одну навигацию пройдет всего четыре корабля. Либо порох, либо свинец. А ведь еще ружья!

– Только стальные заготовки под стволы по моим чертежам. И всего пятьдесят тысяч, – уточнил я.

– Но десять тысяч пудов свинца никак не поместятся, – подсчитав на бумажке, просипел Сова, поправляя закрывающий шею шарф.

– Это всего сто шестьдесят кубиков со стороной в половину аршина. Для удобства отливают двухпудовыми брусками, – возразил я. – Веса много, зато объема мало, и некоторые судовладельцы интересных клиперов из Балтимора иногда их используют вместо балластных камней.

– Корабли наших друзей небольшие, – уточнил Лис. – Лишь один из четырех способен принять крупный груз, а про балласт и как его использовать мы знаем. А учитывая ваши рекомендательные письма от столь влиятельных покровителей, можно привлечь еще две лодки, пусть с потерей квоты на будущий год, и закрыть вопрос с доставкой. Проблема не в этом, у нас нет в запасе столько товаров на обратный рейс, а сложившийся ход вещей нарушать нельзя. Вот если бы на будущий год?

– Уважаемые, это ваши проблемы. Я обозначил свои интересы, предоставляю финансы, возможно, через неделю буду располагать точной цифрой количества пеньки, которую смогу вложить в дело дополнительно. От вас я жду только ответа: да или нет!

Все купцы, кроме Барсука, сделали одинаковые знаки пальцами, и Барсук произнес:

– Да. Мы в деле. Завтра я выезжаю в Архангельск.

---

[10] Если верить Кросс Э. Г. «У Темзских берегов» с. 65 за 1 фунт ст. в то время давали 8 рублей ассигнациями. Для сравнения, 1 гинея (1 фунт ст. 1 шил.) – 6,37 руб. серебром.

Купец соврал. Ни в какой Архангельск он не поехал. Для решения насущных вопросов можно было добраться и до названного места, но провоз контрабанды такого масштаба решался только в Вологде. Весь путь по Двине и Сухоне был в цепких лапах конгломерата из английских и вологодских купцов, которые уже с шестнадцатого столетия не просто обосновались здесь, а фактически срослись между собой и властью. И ни Высочайшее повеление: «…чтобы со всей строгостью наблюдаемо было, дабы никакие российские продукты не были вывозимы никаким путем и никакими предлогами к англичанам», ни реформы и Указы Павла I, ни запрет Александра I в тысяча восемьсот седьмом году не могли повлиять на сложившиеся отношения. Да, прижимали, заковывали в железо и штрафовали, и сразу же после серьезных мер открывался шлюз контрабанды на границе с Пруссией. Все внимание переводили туда, а незамерзающий порт вновь продолжал свою нелегкую работу, переправляя по рекам вглубь России тысячи пудов груза. И если оперировать цифрами, то, как ввозили на двадцать шесть миллионов рублей в девяносто восьмом году, так и продолжали в течение всего десятилетия. С одной поправкой: без уплаты пошлины в казну, сиречь контрабандой. И то, что Джоны стали называться Иванами, ничего не меняло. Да тот же Барсук, спроси я его: How do you deal with your problems?[11]; ответил бы мне с фрейстонским акцентом, как учила бабка, и показал бы руками, как скручивают голову врагу – как делал дед, или наоборот.

Последний день ярмарки я посвятил хозяйственным делам. Семечкин словно почувствовал наличие безразмерного бюджета и, несмотря на сокращенный где-то на четверть предоставленный им список, загрузил семнадцать телег. А если учесть купленный скот, то обоз растянулся метров на двести. И изменить ничего нельзя. Реалии оказались таковы, что ни Абраменки, ни Борисовка не утруждали себя выращиванием ни ржи, ни картофеля, отдавая все посевы под коноплю. По той же причине сенокосные площади, кроме заливных лугов, так же оказались скудны. Никакой диверсификации, все выкроено для получения максимальной прибыли в узком сегменте, и фактически получалось, что яйца оказывались в одной корзине. И, как показал предыдущий год, корзина может упасть, а посему и брали с максимально возможным запасом. По крайней мере, с одной проблемой разобрался, и пока выдалось немного свободного времени, я вновь посетил оружейную лавку. Ту самую, с рогатиной, и, как и в прошлый раз, вышел оттуда без покупок, зато с перспективой сотрудничества и нужной мне информацией. То, что производство стрелкового оружия было сосредоточено на трех заводах и частично в арсеналах, я знал и без подсказок старого оружейника. А вот про мастерские, которым давали подряды, точной информации не было. Одни работали десятилетия и имели серьезную репутацию; некоторые существовали всего пару лет и могли похвастаться лишь незначительными успехами; а прочие брали заказы время от времени, ведя основную деятельность в другой плоскости. Несколько адресов с именами я и получил.

Больше никакие дела меня в Смоленске не держали. Документы получены, взятые с собой ассигнации практически все обменены, а те, что остались, – отданы в рост под пять процентов с выплатой серебром по зафиксированной ставке, при курсе сорок три копейки за бумажку. Кстати, о копейках. Их у меня снова не осталось: за отправленную по почте корреспонденцию попросили по двугривенному за письмо, в три раза больше за бандероль и полпроцента за денежный перевод в мастерскую при Ижевском заводе. Для большинства населения дорого, но на данный момент альтернативы нет. Содержание каждой станции обходится казне в тот самый нужный рубль на гвоздь для подковы, который недополучает армия, а о самоокупаемости речь пока не идет. Поэтому вся тяжесть расходов возложена на потенциальных потребителей. Как поведал помощник почтмейстера, даже из города писем посылают мало, а все из-за страшной беды, преследующей государство. Грамотных в губернии – один на пятнадцать человек. Вот эта новость подвигла меня перед самым отъездом разыскать книжный магазин. В Смоленске он

[11] Как вы справляетесь с проблемами?

был. Филиал московской книжной лавки Ширяева, открытый буквально несколько дней назад, продавал разнообразную, в основном развлекательную, литературу для барышень, изданную, к сожалению, во Франции. Но при всей неактуальности ассортимента имелась возможность сделать нужный мне заказ и даже напечатать все, что взбредет в голову, лишь бы был оплачен выставленный счет. А уж такая вещь, как «Российский букварь для обучения юношества чтению», и вовсе пустячное дело. Он был в наличии в Москве, и ждать-то требовалось всего ничего, какой-то месяц[12]. Конечно, я заказал, впрочем, как и книги по всем известным наукам. Пускать на самотек задуманное – уже непозволительная роскошь. Часики тикают, а я только в самом начале пути.

* * *

Потихоньку, наполняя землю теплом, лето начинало вступать в свои права. Зацвела красная рябина, обрадовались насекомые завязям на деревьях, появилось множество птиц, а кукушка вообще перестала отдыхать: кукует и кукует. Что говорить, если все народные приметы совпадают, а тем более прикрепленный к стеклу окна термометр. Тот уже третий день подряд исправно держал стрелку на отметке чуть больше двадцати градусов за два часа до полудня. Самый разгар рабочего дня. Не так душно, как в это время в Крыму, но все же теплее, чем на Кольском полуострове. Впрочем, мне ли переживать, уютно устроившись в мягком полукресле за новеньким столом с зеленым, еще пушистым и даже слегка пружинистым сукном, наблюдая, как трудятся люди. Мои люди, так как «позор и кошмар»[13] коснулся и меня. Мне пришлось купить у Есиповича крепостных, а тех, кого не продавали, взять в аренду. Семей не разлучал, жильем и одеждой обеспечил, надел земли, именуемый здесь по старинке «волок»[14], выделил сколько смог. Такие нынче времена и таковы правила, но все в наших руках, и кое-что я все же делаю. В деревне с утра до самого вечера шла подготовка к большой стройке. Возле березовой рощи выравнивали и укрепляли сваями строительную площадку; чуть ближе к дороге дробили в крошку битый кирпич из Сычевского уезда, а буквально в десяти шагах от складированного цельного, ссыпали в бочки пережженный известняк из Издешково. Где-то за спинами рабочих, пруссак Клаус с русским отчеством Иванович, двоюродный брат доктора Франца, заканчивал дренажную систему со своим племянником, и уже скоро можно будет ставить плиту фундамента. Этого момента все ждали с нетерпением, так как обещанная премия (да, я плачу своим крепостным за выполненный труд и обещаю деньги по изучению грамоты) за хорошую работу станет определяться ровным полом, и немцу старались подсобить. Недели полторы плита будет выстаиваться, а затем (с моих слов) привезут особую паровую машину, которой даже в столице нет, и заложат ее кирпичной стеной. Там же трудился взятый до середины июля в аренду у Есиповичей краснодеревщик Мишка. С четырьмя подмастерьями он стругал балки будущей крыши, а какие стены будут у здания: кирпичные или деревянные, – для него неважно. Срок контракта истекает на днях, и снова придется ехать к штабс-капитану или искать альтернативный вариант. А после недавних событий мое дружественное отношение к соседу несколько изменилось.

Немногим больше недели с момента начала строительных работ в Борисовке из вояжа вернулась расстроенная Елизавета Петровна. Всех подробностей я не узнал, но стало очевидно, что отношения, за которыми не ухаживают, – увядают. Щепочкин готов был избавиться от своих активов в Гряднах, но с одним условием: вся продукция в течение следующего года идет к нему на склады, естественно, по минимальным расценкам. Видите ли, у него договор и все

[12] Не заботясь о лошадях, из Смоленска в Москву в описываемое время можно было добраться за четыре дня.

[13] Из выступления А. Б. Зубова в Третьяковской галерее по поводу крепостного права.

[14] Волок равнялся 30 моргам или 19,5 десятины, что соответствует 20 га.

рассчитано. Фабрику с изношенными станами и всей инфраструктурой без ценных специалистов он оценил в двенадцать тысяч рублей серебром и никаких бумажек не потерпел. Вне всякого сомнения, я развел руками, соглашаться на таких условиях – себя не уважать.

– А как бы поступили в Калькутте? – спросил Есипович за ставшим уже традицией обедом.

– Генрих Вальдемарович, точно так же, как и у нас. А вот в Америке…

– Что в Америке?

– Я бы нанял ирландцев или шотландцев, и они сжигали бы каждую вторую телегу с пенькой.

– Зачем же палить деньги? – возмутился Есипович. – Не проще ли прятать где-нибудь?

– Хмм… в таком случае – это просто разбой.

– А жечь товар не разбой? – спросил Генрих Вальдемарович.

– Конечно, разбой, – подумав, ответил я. – Но при этом важно слово «просто». Одно дело, когда совершаются противоправные действия с целью завладения чужим имуществом – и это просто разбой; и совершенно другое, когда без цели обогащения владельцу этого имущества посылается подкрепленное дерзким действием сообщение: ни мне, ни тебе. Умный человек сделает выводы: что ему выгоднее, продать бизнес или втянуться в конфронтацию.

– И часто так в Америке?

– А вы как думаете, если колонии заселяли ворами и убийцами не один десяток лет? Конечно, встречаются и добропорядочные, и законопослушные…

– Слава Богу, у нас не Америка. Хотя здравое зерно в ваших рассуждениях я нахожу. Щепочкин ведь явно в насмешку назвал необоснованную сумму. А ведь мог сказать: мол, утомляют меня подобные предложения, не продается и точка. Так нет, – стал заводиться Генрих Вальдемарович, – внаглую двойную цену назвал!

– А если он таким образом к торгу пригласил? – предположил я.

– Я не купец! – возмутился Есипович. – Я не намерен торговаться, как какой-то лавочник. Он должен был назвать ту сумму, которую выставил маклер.

– А для чего тогда вы хотели приобрести у меня эту мануфактуру, если б я ее выкупил?

– Потому что здесь все мое!

Ляпнул в сердцах Генрих Вальдемарович, а слово не воробей. И как потом ни пытался перевести все в дурачество, выходило неуклюже. Шутка ли, позволить высказывание, пристойное лишь обладателю скипетра и державы. Впрочем, а что я мог ожидать от помещика, числившегося здесь местным предводителем? Конечно, он уверовал в свою исключительность. Разве в моем времени иначе? Все то же самое, и лишь когда такого царька кладут мордой в пол, он начинает осознавать, что лозунг «здесь все мое» означает лишь бдеть и преувеличивать доверенное. А между тем Есипович вкладывал в свои слова несколько другой подтекст: и если бы я поинтересовался, каким образом деревни Новосельцы и Никоновка оказались в его собственности и на какие средства в Смоленске возводился особняк, то обеспокоился бы своей безопасностью. В этот день я беспрепятственно забрал из оружейной комнаты штабс-капитана свой сундук, поведав об отъезде через две недели в Тулу, и был удивлен предложением, с которым согласился. Генрих Вальдемарович готов был отправить со мной в качестве кучера Тимофея, о чем я его несколько раз просил и что было крайне удобно. А в виде ответного жеста доброй воли с моей стороны, выполнить небольшую просьбу: взять с собой в дорогу Полушкина, дабы тот смог заказать два кавалерийских штуцера по специальному проекту.

* * *

«Господи, ведь неспроста Даниэль Дефо заострял внимание в своем романе, как тяжело приходилось герою работать в одиночку», – думал я, вытаскивая из контейнера электростан-

цию. Вроде каждый элемент по отдельности немного больше ста килограммов и с помощью крана с лебедкой можно уложить на гидравлическую тележку и катить, как совсем недавно карету, но все равно семь потов сошло. К тому же мне надо расставить на деревянные бабки ящики у дороги и сделать умный вид, когда появятся работники, мол, только что привезли. А потом, возможно, и пояснить, что алюминиевые листы вовсе не из серебра. Сейчас сделать это я б точно не смог. Хорошо, что ночью тут спят, а не шляются по клубам. Да если бы и стоял здесь клуб, все равно никто бы не пошел. Пашет народ на износ и на гулянки сил просто не хватает, а если и накопятся эти силы, то отсутствие доступного освещения явно не поспособствует мероприятиям. Свечи все еще дороги, а лучина сгорает быстро. Во всех остальных случаях остается уповать на природные светила, да на луну, которая сейчас светит как изголодавшаяся по электричеству лампа на фонарном столбе. Раз вспомнилось про освещение, то как раз для решения этого вопроса в комнате, где я обустроился, стоит калильная лампа. Обыкновенную керосиновую и рядом с ней не поставить, и если все получится, строящийся заводик найдет, чем удивить местную публику.

За электростанцией на свободнопоршневом двигателе Стирлинга пошли станки. С этого момента я готов был плюнуть на всю конспирацию и звать помощников. Чугунная станина токарно-винторезного станка настолько тяжела, что даже если выполнить строповку, как того требует техника безопасности, – есть вероятность потери кран-балки. И это еще не все, сам ящик забит всевозможными предметами так, что кубического сантиметра свободного пространства не найти. Еле-еле, используя домкраты и стволы деревьев, я вытянул его, а дальше пошло как по накатанной. Только успевай тележку подводить. Утро застало меня за чисткой колесиков этой самой тележки и когда идущие из Абраменок на стройку крестьяне собрались вокруг, я отложил отвертку и сказал:

– Чего ждем, товарищи? Берите лопаты и выравниваем полотно дороги.

Девять человек подсыпали углубления колеи, срезали выпирающие места и, прокатывая по окончании оцилиндрованное бревно, добились относительно ровного участка. Так что после обеда запряженная в упряжку пара волов доставила на строительную площадку все ящики до единого. Вот дальше началось смятение в людских душах. Всем стало интересно, что скрывается за листами серебристого металла, особенно Клаусу. Тот как кот обходил ящики, царапал и стучал ногтем, даже принюхивался, после чего спросил:

– Какая-то новая латунь?

«Сейчас, – подумал я, – так я тебе и рассказал про алюминий. Здесь еще лет пятнадцать о нем знать не будут, а как выяснят, то дороже золота ценить станут. А пока придется выдавать заранее заготовленную версию».

– Почти угадали, – соврал я.

– Впервые такую латунь вижу. Или слишком много цинка, или олово со свинцом добавили в медь… Если не секрет, откуда?

– Выкупил в прошлом году у какого-то экспериментатора Ганса из Копенгагена. Были задумки, но в итоге весь металл пошел на листы. На пушки он не годится.

– Понятно. Прошу прощенья, что отвлек, – Клаус уже собирался уходить, как я остановил его вопросом:

– Я услышал ваши рассуждения и сделал вывод, что вы неплохо знакомы с физикой процесса получения латуни?

– Ах, это было уже давно, – сказал Клаус, махнув рукой. – Три курса Геттингенского университета до сих пор дают о себе знать.

– Обучение закончили? – не отставал я.

– К сожалению, – с грустью в голосе произнес Клаус Иванович. – Scholar simplex[15]. Если бы я окончил университет, разве я был бы здесь? Для учебы необходимы средства. Да и не слишком прилежным студентом я оказался. Университет в свое время заполучил студента вроде тех, что скачут с факультета на факультет и проводят время, оставляя Богу Богово и ведя развеселую и полную удовольствий жизнь. Хочу заметить, славное было времечко.

– А со знанием химии у вас как, или также лекции прогуливали?

– С работой доктора Эмерсона знаком, – насупился Клаус, – и не только.

– Тогда не все потеряно, шучу. Клаус Иванович, можете ли вы рассчитать и воплотить такую штуку, как водопровод?

– Вы хотите пустить сюда воду из ручья?

– Да. Тому, что здесь планируется, необходима вода и, естественно, ее сток. Придется поставить водонапорную башню. Иными словами, поднять на достаточную высоту емкость с водой над уровнем земли. Вода по трубе из Лущенки станет поступать в бак, а уже оттуда к потребителю.

– А не проще ли будет выкопать пруд и подвести канал? Навскидку, саженей сто прорыть надо. Дюжина землекопов за месяц справится.

– Так подсчитайте. Что окажется проще – сделаем. Но мне кажется, для начала нам стоит заключить контракт.

Таким образом, перед отъездом мне удалось заполучить недоучившегося студента с практическими навыками работы в гидрогеологии, немного разбирающегося в химии и как минимум в математике. Пока на три месяца. Может, подзаработает, да доучится в своем университете. Все ступенькой в чине[16] выше станет. Хотя, с его слов, постижением науки он занимался в промежутках между дневным сном и обедом и лишь с середины месяца, когда заканчивались выделенные отцом средства, брался за ум. Опять-таки, ровно до того момента, пока кто-то из собутыльников не брался проспонсировать вечеринку. И лишь благодаря Мнемозине[17] осилил хоть какие-то знания. Как бы то ни было, другого «специалиста» я найти не смог, – ни за рубль, ни за десять.

В день убытия в Тулу прискакал Полушкин с сыном. Державшийся позади отца мальчик ловко спрыгнул с коня и стал помогать с седельными чемоданами. Едва багаж был снят, как постреленок занял место в строевом седле и лихо послал лошадь рысью, переходя в намет. Минута и всадника след простыл.

– Каков ловкач, – высказал я свое восхищение. – Будущий кавалергард.

– Упаси Господь, – тихо прошептал Полушкин. – Лучше в гусары или в пехоту.

Мое предложение присесть перед дорогой было воспринято как само собой разумеющееся. Иван Иванович даже какую-то молитву пробубнил и, перекрестившись, походкой уверенного в себе путника направился к ландо, где перекинулся парой слов с Тимофеем. Тот уже закончил поправлять упряжь и восседал на козлах. Едва щелкнул замок закрывающейся дверцы, как раздался легкий хлопок вожжей о лошадиные выпуклые части и карета тронулась. Путь наш лежал в Смоленск, а оттуда по «Старой Смоленской дороге» до Дорогобужа, где мы планировали двухсуточный отдых. Дальше на Вязьму, и тут было два варианта: первый, следовать через Можайск до самой Москвы и, как «белые люди», по более-менее ухоженной дороге докатиться до Тулы; либо второй, по которому мы поворачивали к Юхнову, затем в сторону Калуги и пытались отыскать нужный нам город. Каждый вариант имел свои преиму-

[15] Простой ученик. Звание присваивалось после принесения клятвы верности факультету и Уставу.

[16] С 1809 года чин автоматически присваивался лицам, имевшим высшее образование, но не окончившим университета и не имеющим ученой степени, или же не сдавшим (не выдержавшим) необходимый квалификационный экзамен для присвоения классного чина VIII класса.

[17] Богиня памяти.

щества и недостатки. В первом случае – спокойная, но длинная дорога, а во втором – триста верст направления.

3. Дорога в Тулу

…Напрасно мирные забавы продлить пытаетесь смеясь.
Не раздобыть надежной славы, покуда кровь не полилась.

Мой дом – моя крепость. Сколь же оно благодатно, это ограждение, из коего мы, однако, всеми силами пытаемся вырваться. А ведь именно оно создает заботливый островок средь бушующего моря; блажен, кто сладко почивает на его лоне, не опасаясь быть разбуженным, ему не грозят никакие шторма, он не почувствует крупных соленых брызг, не услышит рев стихии. Но горе тому, кто, подстрекаем злосчастным любопытством, рвется прочь, на ту сторону туманной дымки, спасительно окаймляющей горизонт.

Э-ге-гей! Вперед, вперед по бурным волнам забот и волнений, в поисках невидимых земель, прячущихся во мгле. Прочь беззаботный островок!

Как же здорово, выехать на зорьке из уже набившей оскомину деревеньки, высунуться из окошка ландо, взглянуть на божий мир, подставить лицо под набегающий поток, глотнуть свежего воздуха с тем ароматом трав и хвои и полюбоваться зелеными лугами и лесами, убегающими к горизонту. В такие мгновенья душу охватывает несказанная радость, и она присоединяется к той неописуемой вселенской мелодии, ставшей выражением взаимной гармонии и согласия с природой. Дорога! Это всегда калейдоскоп впечатлений, пусть даже перемешанный с запахами пыли, смазки колес, лошадей и заботливо уложенной под самую крышку багажника снеди. И если в душе ты хоть на йоту романтик, прими путь как очередное захватывающее приключение.

С того момента, как при Екатерине смоленскую дорогу оснастили верстовыми столбами, обладатели часов, не прибегая к сложным расчетам, смогли узнать, с какой скоростью они перемещаются по весьма приличному для того времени тракту. У каждого вида транспорта она разная, но если отбросить некоторые условности и округлять некоторые цифры, то путешественники в один голос утверждали: «Пятнадцать верст в час!» По-моему, это только в мечтах. Даже на моем сверхлегком, с улучшенными ступицами и колесами ландо, имея в упряжи, скажем так, непростых лошадей, мы преодолевали не больше десяти-двенадцати. Поначалу, еще в первую поездку в Смоленск, я очень злился, так как постоянно выбивался из графика, а теперь привык, что ли. Тем более со слов Полушкина мы летим как птица, и он переживает, как бы ни отвалилось колесо. И я уже вместе с ним думаю, а не слишком ли мы торопимся, и не случится ли что-нибудь с колесом? Здесь это в порядке вещей, чему я, собственно, и стал свидетелем. В полуверсте от села Верховье двое крестьян (видимо, отец и сын) как раз и занимались тем, что один из последних сил подпирал телегу, а второй пытался насадить на только что замененную ось укатившееся имущество со спицами. Поднимая за собой шлейф пыли, мы проехали, не останавливаясь: не принято барину помогать смерду. Социальное неравенство во всей красе и скажите спасибо, что кучер, мимоходом не огрел кнутом бедолаг. Если не повезло родиться с серебряной ложкой, то придется глотать пыль всю оставшуюся жизнь. Как там, в пословице про Устав и чужой монастырь, а если это монастырь уже стал твоим?

– Стой! – громко крикнул я Тимофею. – Пойду, посмотрю что случилось.

– Куда? – встрепенулся Полушкин, потянувшись рукою под сиденье, где были закреплены пистолеты.

– Не знаю, как у вас в Гряднах, а у нас людям, попавшим в беду – помогают. Да и на земельке постоять хочется.

– Подождите меня, – пробормотал Полушкин, вылезая уже вооружившись. – Смотрите левее, на поле, а я за рощицей пригляжу.

– Иван Иванович, что вы во всех людях татей да душегубов высматриваете? Обратите внимание, телега с кирпичом, вон, половина на обочину свалилась. К нам еще вчера завести должны были и, возможно, это именно она и есть. Стали бы тати такие сложности городить?

– Я знаю, что говорю. Прошлой осенью три кареты таким же образом ограбили. И все средь бела дня.

Подойдя ближе к месту аварии, мы осмотрелись, и подозрения, которые я высказывал только что, отчасти подтвердились. Маркел Кузьмин и его сын Петр действительно везли в Борисовку кирпич. Причем по личной инициативе и не в первый раз, так как прознали у Рогутина-кирпичника о хорошем покупателе. А так как у них точно такой же сарайчик по производству, то и решили всей деревенькой, а почему бы и не рискнуть. Умолчали лишь об одном, что клеймо подделали и звание «хороший» приобрелось благодаря лишней полтине, которую платили там на месте. Но мне это нетрудно было высчитать, так как Маркел Кузьмин и не скрывал всем известные расценки. Вот вам и Семечкин, радетель усадьбы. Сколько он с той полтины себе в карман? Так что не зря мы остановились.

– Иван Иванович, – спросил я своего визави, как только мы вновь тронулись в путь, – скажите, только честно, вы в Тулу лишь из-за штуцеров едете, или вас попросили еще о чем-то?

– А это и не секрет. Генрих Вальдемарович переживает за невозвращенный долг. Это ж вы объявили, что привезли долю наследства для Александра Леонтьевича? А пока он денежек в руки не взял, вас попросили беречь аки зеницу ока. Вот и весь сказ. А по поводу штуцеров… Есть у меня некая задумка, хочу с мастером посоветоваться. Иван Матвеевич Бранд, наш оружейник, говорит, дело нужное, но осуществить сие нашими силами никак. А вот Генрих Вальдемарович, наоборот, утверждает, и в этом я с ним соглашусь: что выстрелить я и из деревянного полена смогу, главное стрелок, порох и пуля. Так что еду я в Тулу в основном именно из-за штуцера.

В Смоленске мы с Полушкиным разделились, договорившись встретиться в час по полудню. Поручик отправился передавать какие-то распоряжения в строящийся особняк Есиповича, а я вновь посетил доходный дом, где располагалась ростовщическая контора. И тут мне выдали новость: в губернии появились фальшивые ассигнации, по качеству изготовления превосходящие государственные. Если без лукавства, то я даже немного встревожился, вплоть до того, что чуть не перелил коньяк в чашку с чаем, вместо бокала. И если раньше грешили на Ригу, оттуда шла вся гадость, то в этот раз порченные сотенные привез из Киева какой-то заводчик лошадей. Одни говорили, мол, француз, другие – итальянец, но знающие люди помимо этого утверждали, что фальшивомонетчик был не один, и покрывали его купцы из Варшавы. Хотя какие они купцы, – со слов ростовщика – так, голь перекатная, работающая с одесскими греками. Тем не менее они-то и купили у Марии Парфеновны, вдовы одного известного предпринимателя, табун в шестьсот голов. Да только у купчихи оказались надежные люди, которые сделку сопровождали и, преследуя уже свои интересы, навестили логово преступников. А там целый мешок фальшивок, по запаху типографской краски учуяли. И приняли бы они его за добычу, если бы среди «надежных» не оказался один грамотей, который и определил ошибку в тексте. Всего одна буковка. Властям не сообщали и общественность не в курсе, за исключением известных мне купцов. Так что совет был однозначен, сторублевку в руки не брать и об ассигнациях на время забыть. А если и попадется, то внимательно читать слова: «государственной» и «ходячею». То есть сосредоточиться на выявлении ошибок, где вместо «д» нерусь напечатал «л». Вот с этим известием и письмом для тульского представительства Анфилатова я и вышел на улицу, а Полушкина и след простыл. Ведь сам видел из окна, как

он еще четверть часа назад подошел к ландо, неся в руках сверток. Вот ведь дела, так еще и Тимофея нет.

– Стой! Держи его! – послышалось из проулка соседнего с доходным домом здания.

И спустя мгновенье раздался выстрел. Негромкий хлопок, но спутать его ни с чем другим невозможно. Вальяжно до сей поры расхаживающие у крыльца курицы как-то сразу припустили в противоположную от эпицентра несчастья сторону и оттуда послышался собачий лай. Не думая об опасности, я схватил ружье и побежал на звук выстрела. Дым к тому времени уже рассеялся, и можно было рассмотреть лежавшего на земле Полушкина и склонившегося над ним Тимофея.

– А говорил – от пули не помру, – сказал я глядя на окровавленную голову и валяющуюся рядом разорванную шляпу.

– Картечью стрелял, – поправил меня Тимофей, – вот с этого тромблона.

– Да какая к чертям разница! – махнув рукой. – Кто?

– Смит.

– Как Смит? Какой Смит? Чертовщина какая-то.

В этот момент, опираясь на локоть, Иван Иванович попытался приподняться и, прокашлявшись, произнес:

– И вправду чертовщина. У вашего слуги брата близнеца часом не было?

– Нет, – не раздумывая сказал я.

– Тогда всем в церковь надо, а мне в лазарет, – сказал Полушкин и вновь оказался на земле.

Раненого поручика занесли в доходный дом, и пока Тимофей помчался за врачом, я попытался промыть рану на голове и вскоре убедился, что Иван Иванович действительно приобрел некий иммунитет от ружейного свинца. Одна картечина срикошетила от прочной лобной кости, другая лишь процарапала на щеке борозду, а вот остальные угодили в корпус, и что любопытно, точно в перевязь с ножами. Феноменально. Как же он умудрился в момент выстрела уйти с линии прицеливания, повернуться боком и остаться живым? Я даже эксперимент провел. В то время пока доктор пользовал болезного своими мазями, я попросил нашего кучера взять пистоль и вернулся в проулок. С момента происшествия там ничего не изменилось. Два здания: одно буквой «г» с капитальным глухим забором из толстых жердей и второе, являющееся пристройкой доходного дома, так же с забором, но с раскрытой калиткой, куда, по-видимому, и ретировался стрелок. Иной путь – прыжок вверх, но это под силу только хорошо тренированному спортсмену.

– Тимофей, если бы ты снаряжал тромблон, сколько картечин положил бы?

– Смотря какая картечь… если средняя, то не больше девяти, а если крупная, то пять в самый раз.

В Полушкина стреляли явно не крупной, я бы даже осмелился предположить, что и не средней, а что-то между IV и VA, а такой влезет десятка полтора. Кстати, ствол у пистоля бронзовый и, судя по насечке и украшениям, отнюдь не дешевый. Станем считать, что пороховой заряд был минимальный. Глупость, но как версия сгодится. Тут стальные стволы не слишком надежные, а уж бронзовый и подавно подозрение вызывает. Теперь считаем: две картечины угодили в голову; несколько, пусть их будет две, прошли выше и разорвали шляпу; четыре как минимум попали в ножи. Всего получается восемь, где остальные? В стене нет ни одного попадания. Хотя… есть. Если посмотреть на три шага левее от места, где лежал поручик, видны выщерблины. Вот они, и если я все понимаю правильно, преступник стрелял не в Полушкина, а в того, кто стоял слева от него, и мой попутчик-охранник просто попал под раздачу.

– Тимофей, а кто еще с вами был?

– Не было никого, вашбродь, – ответил бывший солдат, сделав придурковатое лицо.

– В момент выстрела где ты стоял? Покажи.

– Там, за углом. Если б этот Смит деру собрался дать, то туточки я б его и приголубил.

– А он, значит, не назад, а вперед рванул, на поручика.

– Истинно так.

Вроде и не прояснил ничего, но одну немаловажную деталь я понял: всей правды ни Полушкин, ни Тимофей мне не сказали.

Вечер и ночь пришлось провести в доме гостеприимного Пятницкого, а затем и еще один день, исключительно по настоянию доктора. В принципе, задержка в Смоленске определила наш дальнейший маршрут. Вместо двух катетов пришлось выбирать гипотенузу.

* * *

разговор, который я не мог услышать

– Как ты, Иван Иванович? Не сильно упырь этот тебя задел?

– Бывало и хуже. Ну, ничего, я ему тоже отметину оставил. Однорукий он теперя. Не скоро заживет.

– Кто ж знал, что Смит не один придет. И чего он его спугнул?

– Поздно причитать.

– Где ж нам теперь искать его, а? Брату-то что сказать? – продолжал канючить Тимофей.

– Где-где, на кудыкиной горе. Затаится он сейчас. Осторожно! По живому дерешь!

Тимофей в это время менял повязку на голове поручика.

– Хитер иноземец, – сетовал солдат, – не принес дневник.

– Принесет, куда ж он денется. Ему пашпорт нужен, а получить его можно лишь у одного человечка.

Посмотревшись в зеркало, Полушкин усмехнулся про себя: «…А подельника его я вспомнил, расстрига Арещенков. Думал, в Варшаву подался, ан нет, снова здесь. Ну, ничего, в следующую встречу я тебе второе клеймо поставлю».

* * *

Оставленный за спиной город, от которого мы все более удалялись, еще шумел людскими потоками. На станции шум, давка, грохот экипажей и зычные выкрики: «посторонись», «куда прешь?», «ща как…». Извечная проблема: если задержался с утра, на следующей станции достанутся «объедки» – вот и торопятся. Все же, насколько тесен, мал и сжат Дорогобуж по сравнению со своим близнецом через две сотни лет. Кучка сгрудившихся домов, еще различаемых вдали, крест на маковке церкви да колокольня. И так везде, хуже или лучше. Вот и величественная своими храмами Вязьма осталась за спиной, а вместе с ней цивилизация. Нам вперед – в тишину просторов полей, в ласковый шепот дубрав, в марево поднимающегося над дорогой разогретого воздуха.

На шестые сутки пути, когда полуденный зной уже начинал терять свою состоятельность, мы оказались на перепутье. Перебраться через речку, сэкономить время и не лишиться при этом средства передвижения, можно было двумя способами. Казалось бы обычная для наших дорог ситуация: там, где не опасаясь разлива в половодье, можно было укрепить русло реки и навести небольшой мостик, этого никогда не происходит. Вот что этому мешает? Как потом выясняется, только людской фактор. Простое на первый взгляд решение имеет кучу противоречий, в первую очередь финансового характера, тем более что в данном случае существовала странная альтернатива. Заключалась она в следующем: дорога поворачивала вдоль реки на шесть верст к постоялому двору, где осуществлялась паромная переправа; и буквально где-то рядом, в трехстах шагах вниз или вверх по течению присутствовал брод. Странность же заключалась в том, что брод этот нигде не обозначался, более того, искусно маскировался местными

жителями и лишь за небольшую мзду осуществлялся провод. Выигрыш для гужевого транспорта почти в двенадцать верст – это четверть дня пути, а для всяких «залетных» – добро пожаловать в гостиницу и не забудьте поддержать местный перевозочный бизнес. Я бы покатил на постоялый двор, так как в дороге надо выбирать наезженный маршрут (как в современной России, предпочтительнее передвигаться по платным дорогам без замаскированных камер и знаков «40»), но в Полушкине что-то восстало. Буквально за полчаса, пока лошадки мирно пощипывали травку, поручик провел рекогносцировку, обнаружил мало использованную дорожку, с помощью вооруженного шестом Тимофея нашел место переправы и уговорил меня идти напрямик. Но и здесь не обошлось без навязчивого сервиса. Едва мы подкатили к воде, как на противоположном берегу объявился отряд из трех всадников, одетых в партикулярное платье, но любой букмекер поставил бы десять к одному, что мундир еще несколько дней назад покрывал их плечи. И дело вовсе не в форменных походных рейтузах, присутствующих на наездниках. Стиль одежды «милитари» был популярен давно[18]. И не в свисающих с седел кавалерийских карабинах. Оружие многие могли носить. Достаточно просто представить наличие кивера на головах и все станет на свои места: если сидит ладно, – то перед вами военный.

– Далеко ли собрались, месье? – крикнул нам один из них.

– На тот берег! – прокричал я в ответ.

– Не выйдет.

– Что же нам помешает?

– Прямо передо мной, в двух аршинах от бережка находится омут. Поэтому, если вы собрались напрямик, то погубите лошадей, карету и себя.

– Вот как? – посмотрев на Полушкина, тихо произнес я.

– Да, у берега Тимофей не проверял, – как бы извиняясь, прошептал Иван Иванович.

Троица всадников наверняка ждала вопросов от нас: «Как же быть? А как лучше? А где можно?»; но они от нас не последовали и после некоторой паузы в нашем общении прозвучало:

– Держите путь наискосок, к березе. Дерево должно быть четко промеж лошадей.

Так мы познакомились с гусарами: двумя юнкерами и корнетом из еврейских дворян. Да, да, я не ошибся. Ефим Павлович Лунич был из них. А уж кто придумал этот обходной путь, сомнений у меня не вызывало. Во всяком случае, обиды мы не таили: всякий зарабатывает, как умеет.

В итоге по дороге к деревне мы следовали уже вместе, и как-то между произвольным рассказом о себе Ефим Павлович объяснил свой агрессивный настрой. Соседский помещик специально высылал к броду мальчишек, дабы те за копейку указывали место переправы, тем самым лишая паромщиков заработка и, как следствие, прибыли самого Лунича. Так что прибыл корнет в именье своей жены уволенный в отпуск как бы на излечение вместе с однополчанами, да наводит потихоньку порядок: то засеку на берегу соорудит, то ложную колею сотворит, дабы телеги шли на глубину. В общем, сильно напоминал мне одного ресторатора, хапнувшего ресторан в пешеходной зоне и пытавшегося обеспечить проезд автомобилям. Тот тоже боролся, мелко пакостничая.

Более мы нигде не задерживались. План маршрута хоть и подвергался каждодневным изменениям, они, к счастью, не были существенны. В пути мы проводили утро и весь день, а ближе к шести вечера вставали на ночлег. Чаще всего просились на постой, случались и меблированные комнаты при трактирах, а иногда и на свежем воздухе. Замечу, это были самые спокойные и приятные вечера. Полушкин потом признался, что чувствовал себя неуютно, боясь

[18] Офицерам в России с XVIII века запрещалось носить какую бы то ни было гражданскую одежду, находясь на действительной службе. Офицер всегда и во всех обстоятельствах должен был оставаться в военной форме. Однако понятиями о маскировке ни один здравомыслящий офицер не брезговал, как в данном случае находясь в секрете или на охоте.

предложить мне ночевать под открытым небом, а после, когда увидел у меня компактную палатку с раскладным столиком и стульчиками, признал во мне нормального человека.

Торжественный покой, воцарявшийся над этим лугом в полуденные часы, когда одинокие дубы, рассеянные тут и там в солнечном сиянии, отбрасывали тень на луговую зелень; низкорослый кустарник, за которым совсем рядом слышалось журчанье падающей воды; уютный лес на другом берегу и птицы. Множество птиц: иволга, синица, лесной конек, овсянка, поползень, щегол. Их сотни, и каждая выражает себя щебетанием, клекотом и стрекотанием. И эта призрачная граница между тишиной и покоем и взрывом живой природы буквально в шаге. Шажок, другой, и ты погружаешься в какофонию звуков. Назад – и снова тишина. Загадка: ветер и вода творят и не такое. И пока местные мальчишки купали лошадей в речке Упе, а две молоденькие крестьянки развешивали прополосканное белье, у нас с Полушкиным случился разговор о завтрашних планах.

– Иван Иванович, – разливая в рюмочки напиток, начал я беседу, – поутру в Тулу въезжаем. Вы хоть представляете, к кому с вашим штуцером обращаться?

– Есть один адресок, – поручик закусил выпитое и, не до конца прожевав, продолжил: – Вернее только фамилия. Мастера Гольтяковы, с полсотни лет берут подряды на курковые механизмы и делают ружья с пистолями на заказ. Одно время весьма ненадежные пружины изготавливали. Иван Матвеевич как-то однажды рекламацию на их изделия составлял. Так к нам в полк потом один из этих мастеровых приезжал и Бранд ему в зубы двинул, за дело, кстати.

– Оружейника, – переспросил я, – в зубы?

– Да если бы не он, сами бы офицеры на куски порубали. Из пяти десятков ружей лишь два стрелять могло.

– Если сталь с раковинами, то да… до беды недалеко, а если закалка неверная, то это уже вредительство.

– Так и Иван Матвеевич о том же говорил. Неделю пружины какой-то краской мазал и пудрой посыпал, а потом прямо в харю этому Гольтякову и по зубам.

– Хм… может, обращаться к этому оружейнику не самая удачная мысль?

– А нетуть больше знакомцев, – развел руками Полушкин. – По крайней мере, Бранд тогда оружейника от смерти спас и подсказал ему, как бельгийцы в свинцовой ванне пружины калят. Стало быть, должок остался.

Всероссийская кузница оружейников, самоваров и пряников встретила нас с улыбкой. Ночью прошел дождь и теперь в лужицах отражались солнечные блики, отчего тульчане вынуждены были щуриться, и казалось, что они просто улыбаются. На самом же деле это вовсе не улыбки, на лицах людей из этих мест рано появляются морщины, поскольку, работая в плохо освещенных помещениях, зрение слабеет, и привычка жмуриться становится необходимостью. А солнечные «зайчики»… жаль, но лучше пусть они улыбаются.

Расспросив дворника, носителя длинного фартука и шикарной шляпы-грешневки[19], мы обнаружили, что остановились практически у нужного Полушкину места. Гривенник, к моему недоумению, не только не разговорил служителя метлы, наоборот, насторожил его. И лишь убедившись, что люди мы серьезные, приехали по делу, помог представить картину целиком и побежал докладывать о гостях. За то время, прошедшее с неприятного инцидента, Гольтяков продолжал семейный бизнес. Дела шли с переменным успехом, но если бы случилось IPO, акции я бы брать не стал. Принцип: все делать, как предыдущее поколение, – хорош, если средства производства идут в ногу со временем. Мастер, к сожалению, понимать этого не хотел. В остальном же все было, как и у других: дом, мастерские, хозяйство, обязательные отчисления

[19] Шляпа, похожая на цилиндр. Ее валяли из овечьей шерсти, как и валенки, а формовали на горшках, в которых варили гречневую кашу, откуда и появилось название головного убора.

на плотину и участие в жизни города. И если про мастерскую Гольтякова, спрятанную за фасадом деревянного, в два этажа дома, можно было сказать: каторга, то про место, где «каторжане» жили, стоило рассказать подробнее.

Дом этот представлял собою маленькую вольницу, где царили совсем иные порядки, чем в мастерской. Домашний уклад здесь был таков, что даже вся прислуга вплоть до последнего работника в свинарнике состояла из людей, так или иначе задействованных при производстве. А это означало, что каждый из них хоть на чуть-чуть мог гордо причислить себя к одной из самых уважаемых профессий – оружейник. Всем домашним вменялось в обязанность раз в день собираться в большом зале на своего рода священнодействие, отправляемое самим хозяином Иваном Гольтяковым и состоящее в том, что они рассаживались вокруг черного от времени стола и ждали в продолжение двух-трех минут, пока глава дома не прочтет здравицы. После этого следовал обильный завтрак. Глава семейства не экономил на еде, здраво рассуждая, что работа на голодный живот – чисто измывательство над человеком. А раз так, то не станет той самой искорки, когда труд в радость. Посему и выходили курки и замки для ружей из его мастерской ладные да надежные. Тем не менее труд работников мало чем отличался от каторжного. С утра до ночи: возле горна, у верстака, станка, угольной ямы, за молотом у наковальни, у ванночки с кислотой, возле расплавленного свинца и отожженной меди. От звонка до звонка, по правилам, как завещали деды. Гольтяков в самом деле чрезвычайно строго следил за соблюдением распорядка как в доме, так и в мастерской, где все: работа, трапеза и сон – были расписаны по часам. И если не было авралов, то все шло своим чередом. В остальном же часы соблюдались неукоснительно: завтрак – ровно в восемь, обед – в полдень, ужин – в восемь вечера. По этим вехам делилась и вся дневная работа – подобно самовзводному механизму так и протекала жизнь мастеровых. Приступая к трудам в шесть утра, они устремляли все свои помыслы к завтраку, живо предвкушая его ароматы, а когда получали его, то поглощали с величайшим аппетитом, какой бывает только у младенца, не знающего блюд кроме молока, хотя состоял этот завтрак всего лишь из ухи, приправленной жиром, и краюхи ржаного хлеба. Затем работа возобновлялась с новой силой и, когда ее однообразие становилось утомительным, интерес утренних часов сосредоточивался на предвкушении обеда. Учитывая, что в году лишь восемьдесят четыре дня не постных, о мясе вспоминали изредка. Вечером подавалась чашка крепкого пивного супа с сухарем – хорошая попытка скрасить послеполуденную работу. А после ужина и до отхода ко сну над тягостью и скукой праведных трудов утешительно витала уже другая мысль – о предстоящем вожделенном отдыхе.

И хотя все, конечно, знали, что назавтра жизнь потечет по-прежнему, ее мучительное однообразие скрашивалось ожиданием воскресений. В этот день, не занятые никакой работой, они могли выйти из пропахшей кислым железным воздухом мастерской за ворота и посмотреть на таких же товарищей по несчастью с соседней улицы. Ах, да, в церковь еще ходили. Вот вам вся духовность, утонченность и деликатность оружейной столицы.

В приподнятом настроении Полушкин вышел из ландо, как только на крыльце дома обозначилось какое-то движение. Тем временем Тимофей возился с седельными чемоданами, и мы, отвлеченные этим занятием, пропустили, как на пороге уже ошивался дворник, пара домочадцев и сам хозяин. Вскоре мы познакомились, и пока Гольтяков не прочел письмо от Бранда, какое-то время оружейник искоса посматривал на нас. А затем эту плотину недоверия словно прорвало. Тульское гостеприимство не знало ни границ, ни меры. Поручика усадили в красном углу, напоили чаем с пирогами и расспрашивали, расспрашивали обо всем, только ни слова о деле. Наконец, условности были соблюдены, и когда сын хозяина повел меня на экскурсию по мастерской, Полушкин вынул из чемодана то, из-за чего он оказался в русском царстве Гефеста.

Под сукно! Пуля с пояском, выстраданная поручиком за последние годы, так и осталась исполнена лишь в единственном экземпляре; и без сомнения разделила бы судьбу многих дру-

гих полезных изобретений русских энтузиастов, как предписывали законы рынка. Все они, вроде бы не забытые и признанные, но в силу отсутствия финансирования проекта или невысокой рентабельности не получили широкого распространения. Так было не только в России. История, случившаяся с Филиппом Жераром[20], наглядное тому подтверждение. Просто слабая механизация по сравнению с другими ведущими державами делала путь русского изобретателя более тернистым. И Иван Иванович не раз вспомнил мои слова: что успех чего-либо нового возможен лишь при хорошо позабытом аналоге старого. Мастерская Гольтякова, помимо курков и замков, выпускала три ружья в день по цене пять рублей тридцать копеек[21]. Штуцер же по чертежам Бранда выходил в семь с полтиной серебром. И плевать, что прицельная дальность возрастала на триста шагов. Дороже, чем за девять рублей, ружье в арсенал было не продать. Хоть ты его с тремя стволами изваяй. Разве что изготавливать для охотничьих забав, но это не входило в орбиту изделий мастера. И если вычесть процент отчислений Полушкину, то овчинка выделки не стоила. Посему и послал Гольтяков известным пешеходным маршрутом поручика: «Два штуцера по лекалам изготовлю и буде». Оставалась возможность общения с другими мастерами-оружейниками, но здесь изначально требовалось получить патент. Всем известно, что разболтать о новинке большого ума не надо. Он, ум, требовался как раз для другого: заинтересовать, не выдав секретов. Здесь годилось все: и хитрость, и мошенничество, и подкуп, и обман, и использование несовершенного законодательства. Вот только проведение мероприятий по оформлению привилегий требовало столько времени, что в Туле надо было прописаться. В общем, замкнутый круг. Когда я вновь увидел Иван Ивановича, блеска в его глазах уже не было. Какая по счету судьба уже сломалась? И ведь это не результат борьбы инженерных умов, соперничества технических идей и разума. Если бы… Это круговорот отношений промышленника с изобретателем, толстой мошны с искрой прогресса, системы с независимой личностью. И чаще всего побеждает – увы! – не талант, не технический Гений. А иначе и быть не может.

– Вот что, Иван Иванович, я тут кое с кем переговорил и сейчас отправляюсь осматривать флигель в купеческом доме. Дня три-четыре мне придется провести здесь, и думаю, совсем нелишним станет принцип держаться вместе.

– Да, согласен, – не раздумывая ответил Полушкин. – Мне все равно пару дней ждать заказ, а в компании это делать веселей.

В арендуемом флигеле каменного дома калужского купца Фалеева мы поселились сразу же. Даже беглого взгляда оказалось достаточно, дабы признать жилье годным и не ехать в сторону кривого моста, где можно было заселиться в меблированные комнаты. Зданию всего два года, сам купец здесь ни разу не появлялся и через пару лет выставит его на продажу, а сейчас здесь останавливаются состоятельные гости города. Дом этот был двухэтажный, довольно длинный, выкрашенный синевато-белой известью, с красной черепичной крышей. Фасад его представлял бесчисленный ряд окон без балконов, а вокруг него и перед ним расстилался довольно ухоженный сад, отгороженный со стороны дороги низеньким каменным забором. Нам подходит: к тому же полный пансион, отдельный вход, конюшня с конюхом и подходящий район. Последний фактор основополагающий, так как в Тулу я приехал не столько за размещением заказов, а скорее чтобы подобрать персонал. И действовать я решил самым простым способом, а именно предложить лучшие условия труда и достойную зарплату. Что такое социальный пакет, здесь не представляли, но думаю, обещание десятипроцентной надбавки жалованья решило бы все вопросы. Так оно и вышло. Какими бы ни были сказочными льготы и послабления, они касались лишь оружейников. А существовал еще целый класс подмастерьев и учени-

[20] Первая механическая льнопрядильня, основанная на технологических идеях Филиппа Жирара, которые он выдвинул в 1810 году, начала успешно действовать лишь в 1816 году в Австрии. Во Франции изобретатель сел в тюрьму за долги.

[21] Солдатское ружье в 1810 году обходилось в 11 рублей ассигнациями.

ков. И если помощников мастеров вписывали в реестр, то с учениками никто не церемонился. А были среди них и талантливые, и способные к обучению. Причем первым, кто откликнулся на мое предложение, стал Гольтяков, не отказывавший многочисленным родственникам, обращавшимся к нему с просьбами пристроить «перспективных» молодых людей. Таких учеников трудилось под его началом с дюжину, и избавиться от нескольких стало для него приятным приложением к заказам. Заварщик стволов получал в год двести тридцать девять рублей, и шестнадцатилетний Гриша (при условии срабатывания социального лифта) на такой оклад мог рассчитывать только через десять лет. А так, чуть ли не вприпрыжку Григорий ехал в Смоленскую губернию вместе с калильщиком, обошедшимся мне в двести пятьдесят; стольным токарем, запросившим двести; сверлильщиком, согласившимся на сто двадцать, и двумя молотобойцами. Сложнее вышло со специалистом по сплавам и стали. Профессия считалась престижной, труднопознаваемой и самой высокооплачиваемой. Как следствие, предложенные мною двести семьдесят рублей вакансию не закрыли, а вот триста справились. Правда, мужичок был сам себе на уме, с несносным характером и высоким самомнением, однако, стоит отдать ему должное, предмет знал без всяких курсов сопромата. То есть, не имея ни малейшего представления о коэффициенте Пуассона, на пальцах мог показать длину и поперечный размер образца до и после деформации для меди, олова, свинца, серебра и даже чугуна. Последние, кто оказался притянут в мои сети, были работники по обслуживанию паровой машины. Братья Федор и Степан по фамилии Архиповы, мечтавшие построить свой собственный паровик. Этих интересовал потенциальный инвестор, так что общий язык мы нашли быстро.

Запланированные три-четыре дня в Туле плавно перетекли в неделю. Полушкин все же попытался заинтересовать оружейников новым штуцером. Даже устраивал показательные стрельбы, ходил с аршином в поисках пули, хвастался, уговаривал, приватно общался с представителем казенного завода и лишь на девятые сутки, когда я сумел пристроить к купеческому обозу нанятых рабочих, мы смогли осознать, что более тут ничего не держит. Никто так и не заинтересовался новинкой, но поручик, похоже, не унывал. За день до нашего отъезда мы были приглашены на обед к тульскому градоначальнику, и похоже, Иван Иванович воспринял это событие по свою душу. То, что приглашение появилось в результате небольшой интриги управляющего конторой Анфилатова, я уточнять не стал (зачем лишать даже призрачной надежды?). Приглашение банально было куплено. Деликатный обед, украшенный всеми вычурами утонченного вкуса: нежнейший ростбиф, телячья лопатка, свиные ребрышки, выдающийся цыпленок или в высшей степени достойная похвалы осетрина. Искрящееся шампанское в бокалах, тосты: за здравие возлюбленного монарха и его августейшего дома, за градоначальника и его опору с нашей стороны, и прочие, в соответствии с этикетом и настроением. За всяким тостом стук ножей, ложек, вилок заглушался приятным пением какой-то певицы под аккомпанемент флейты. Полушкин все ждал, когда с ним заговорят о его проблеме, но этого не случилось, и его заняла какая-то дама. Зато в процессе поедания и питья совершенно случайно появилась интересная информация о столь нужном мне человеке, за которую совершенно было не жалко потраченных пятидесяти рублей. И поведал мне ее полицмейстер. Одним из качеств, в которых он обладал безграничным преимуществом перед всеми нами, была его способность вспомнить все вкусные обеды, случившиеся в его жизни. Еще бы, не о службе же ему ворошить память, где он был абсолютным профаном. Оно и понятно, ведь огромную часть его счастья в бытие составляла именно еда. Господи, поначалу я его еле терпел, а затем, знаете, стало даже любопытно. Его гурманство казалось весьма интересно, а его рассказы о запеченном поросенке возбуждали аппетит не хуже вовремя поданного аперитива. Служебными качествами он не обладал, следовательно, не жертвовал и не развеивал никаких душевных фондов, посвящая все свои силы и мастерство описаниям радостей и пользы для своей утробы, а потому всем всегда было приятно слышать, как он воспевает рыбу, птицу и мясо, а также самые лучшие методы их приготовления. Его воспоминания о славной трапезе, какой бы давней ни была дата банкета,

казалось, буквально вызывают ароматы балыка и лососины под самый нос слушателя. Вкусы на его небе оставались на протяжении всей его зрелой жизни, а то и младенчества, и сохраняли свежесть не хуже бараньей котлеты, которую он проглотил прямо на моих глазах. А посему все охотно его приглашали к себе, дабы поднять настроение перед трапезой или попасть в тот заветный список, о котором он раструбит на следующем приеме. И уже вечером, когда пришла пора подводить итоги и готовиться трогаться в обратный путь, я вел беседу с одним интересным человеком и все благодаря никчемному обжоре.

* * *

Об этом интересном человеке, наверно, стоит рассказать отдельно. Указ от шестого августа тысяча восемьсот девятого года явился фактически смертельным для чиновничьей судьбы Ромашкина Андрея Петровича. Отсутствие свидетельства об окончании одного из состоявших в Империи университетов делало его карьеру ничтожной. Стоило ли уподобляться мифическому царю Коринфа и пытаться тащить неподъемный камень безупречной службы, если в итоге ты останешься на исходной позиции? Наверно, стоило. Ведь теоретически можно было пройти переаттестацию Главного управления училищ. Выдержать экзамен в науках да получить заветный аттестат; голова-то на плечах имелась. Андрей бы так и поступил, если бы ни какие-то секретные формуляры, из-за которых никто из знакомых чиновника так и не прошел всю процедуру до конца. Ходили слухи, что полторы тысячи рублей ассигнациями давали такую возможность, но платить за то, что ты уже имеешь, казалось невероятным. Семь лет домашнего обучения, год в Падуанском университете (хотелось в Сорбонну, но она была закрыта), два года в Гейдельберге – и все напрасно. Андрей Петрович, в свою очередь, не прочь был даже вовсе переехать из Тулы, если б только нашлось порядочное и не слишком тяжелое место. Такое, где если и придется немного потрудиться, так только состязанием в остроумии и, возможно, зачинить два-три пера под звон колокольчика асессора, да взболтнуть чернильницу и то исключительно лишь для порядка. Но так как подобные места, если они существуют, не являются сами к услугам желающих, а Андрей Петрович был слишком ленив для того, чтоб хлопотать, то этой мечте едва ли когда-нибудь суждено было перейти в действительность. Однако всякий образованный человек живет мечтой. А в ожидании места молодой повеса продолжал курить трубку и декламировать Аристотеля, примеряя себя на место ментора, дававшего уроки таким же, как он, бездельникам, разве что немного моложе его годами. Дни тянулись за днями однообразно и вяло, похожие друг на друга как братья-близнецы, не унося и не принося с собой ни печалей, ни радостей, ни денег, ни смысла жизни, улетая, подобно табачному дыму в открытое окошко.

Наконец, это невозмутимое существование начало утомлять Андрея Петровича; ему захотелось также испытать волнение, захотелось, более чем когда-нибудь, отведать любви, страсти, невероятного опустошения, говоря словами одного его знакомого «чего-то соленького в приторном сиропе». Он всматривался в каждое хорошенькое личико, встречавшееся на улице, и спрашивал себя: «Она?» Но девушки проходили мимо, не обращая на молодого человека никакого внимания… и драмы любви все не было, как не было!

Все изменилось вдруг. Прохладным майским утром она вышла из экипажа напротив здания суда, придержала край платья и, приподняв вуаль, посмотрела на него. В этот миг в голове Андрея Петровича взорвалось. Он ясно представил себе, как прижимает ее к своей груди, осыпает ее горячими поцелуями, обливает слезами и благодарит судьбу, что хоть одну минуту блаженства она даровала ему, хоть одну минуту, прожитую истинною, действительною жизнью! Но, увы! – это были только грезы. Незнакомка совершенно очаровала его, вскружила ему голову. Ее тонкие, нежные черты, ее умные, лазуритовые глаза то и дело мерещились ему: «Ну,

зачем я не поэт? – говорил он себе. – Ведь вот взял бы перо, да и набросал бы пару строк, и послал бы ей… Господи! Если б встретить ее одну на улице…»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.